

СМЕНА

№ 20 октябрь 1977

**20 ЛЕТ
КОСМИЧЕСКОЙ
ЗРЫ:**
ОТ ПЕРВОГО
СОВЕТСКОГО
СПУТНИКА
ДО ОРБИТАЛЬНЫХ
СТАНЦИЙ

Новая Конституция — это, можно сказать, концентрированный итог всего шестидесятилетнего развития Советского государства. Она ярко свидетельствует о том, что идеи, провозглашенные Октябрем, заветы Ленина успешно претворяются в жизнь.

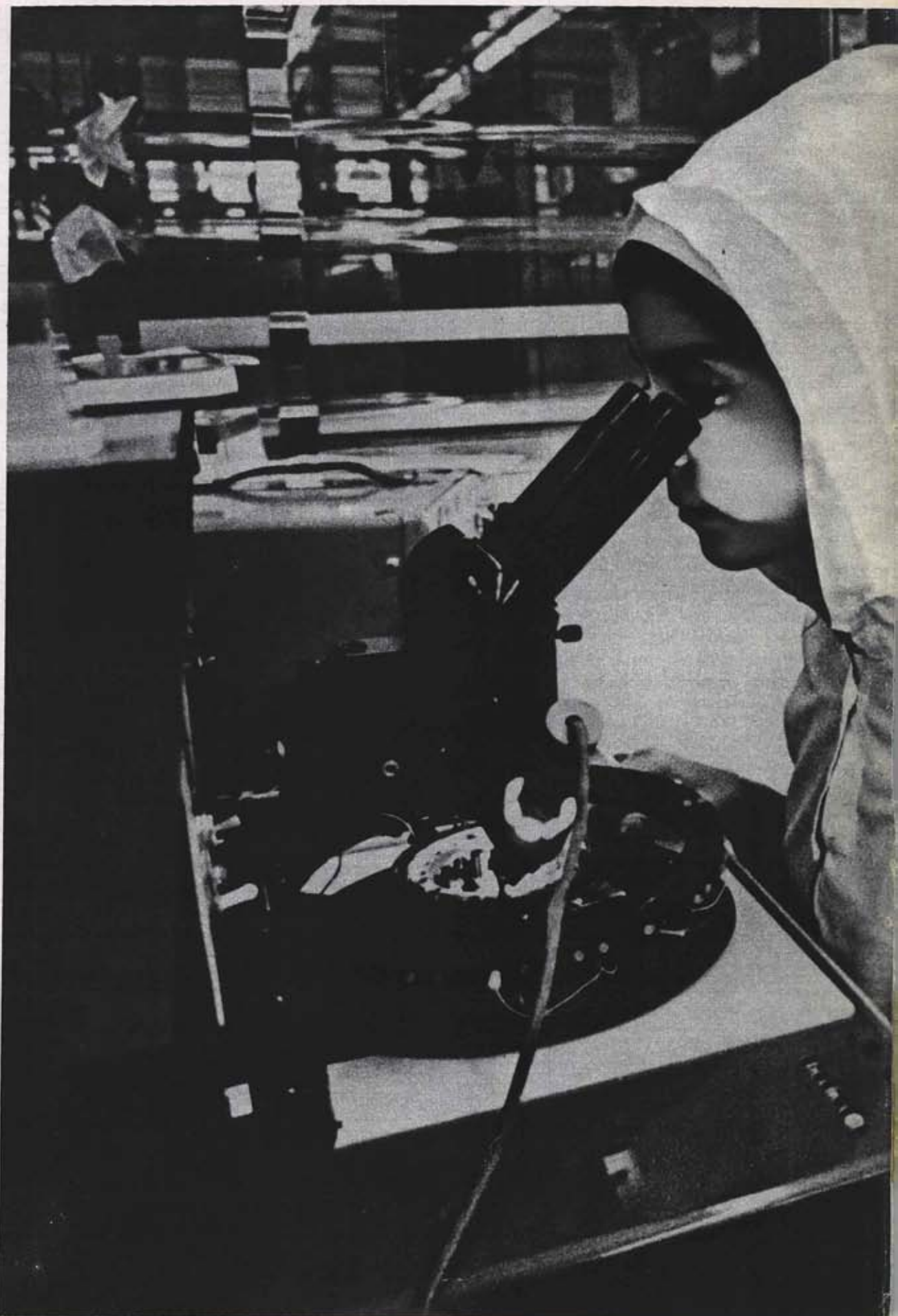
Л. И. БРЕЖНЕВ

Нынешние октябрьские дни войдут в летопись жизни нашего государства как исторические дни принятия новой Конституции — Основного Закона, по которому будем жить мы и новые поколения граждан великого Советского государства. Государства, которое все 60 лет своего существования последовательно и неуклонно претворяет высшие социальные идеалы в повседневную жизнь и деятельность советских людей.

«Человек — обществу, общество — человеку. Таков характер взаимоотношений личности и общества при социализме», — в этих словах Леонида Ильича Брежнева с предельной полнотой выражена сущность советского демократического строя, неразрывная связь интересов личности с интересами общества. Воплощение этого находим мы буквально во всех статьях и положениях Основного Закона.

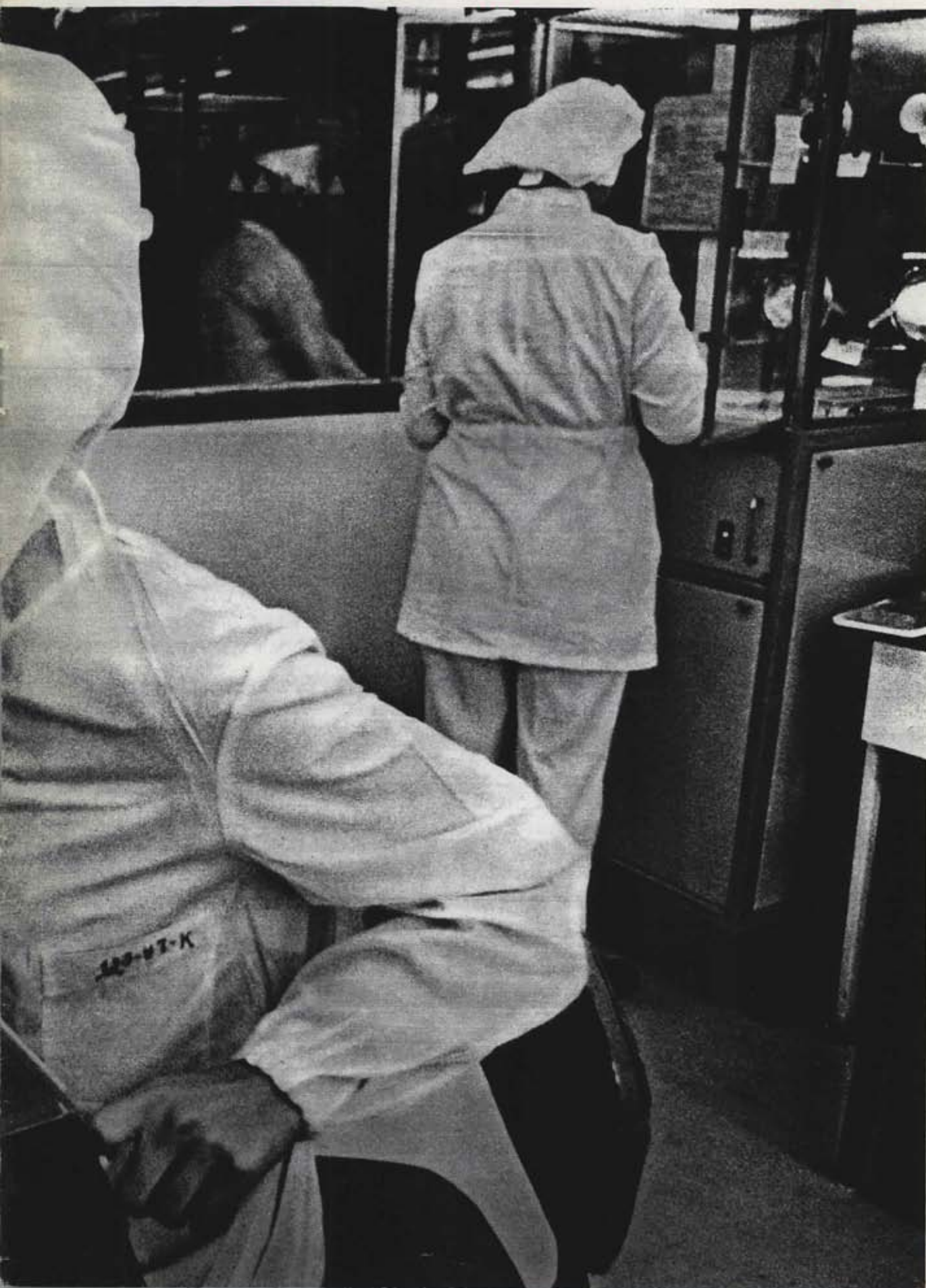
Вот почему такое всеобщее одобрение получил проект новой Конституции СССР у миллионов советских людей, принявших горячее, заинтересованное участие в его обсуждении. Конституция СССР отвечает общенациональным интересам советских граждан, законодательно закрепляет то, что стало реальным содержанием их жизни, их взглядов и убеждений, их нравственных и моральных устоев. То, что составляет такое понятие, как советский, социалистический образ жизни.

Великий исторический путь, равный столетиям, прошла наша страна, чтобы провозгласить в своем Основном Законе: «Высшая цель Советского государства — построение бесклассового коммунистического общества». О том, как претворяются в жизнь эти чеканные строки нашей новой Конституции в одном из тысяч производственных коллективов страны — ленинградском объединении «Светлана», рассказывается в публикуемом очерке.

ЧЕЛОВЕК — ОБЩЕСТВУ, ОБЩЕСТВО — ЧЕЛОВЕКУ

Новая Конституция СССР в делах и планах
одного трудового объединения — ленинградской «Светланы»

Эльвира ГОРЧАКОВА.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

«Светлана»... Предприятие с ласковым девичьим именем, с долгой историей. В сознании многих поколений ленинградцев, и не только ленинградцев, оно прочно вписалось первой половиной своего названия. Электрический свет, столь животворно повлиявший на весь наш быт и жизненный уклад, в простодушном людском представлении не всегда увязывался с гигантами энергетики где-то на Днепре или на Волге, но всегда — с электрической лампочкой, которая висела под абажуром или без него в каждом доме. Лампочки делала «Светлана». «Светлана» несла в нашу жизнь свет...

Жизнь, освещенная новым светом, развивалась стремительно, бурно, и вместе с нею менялось лицо «Светланы», профиль «Светланы», стиль «Светланы». Некогда разместились это предприятие на городской окраине, разбросав свои немногочисленные службы вольно и проторно, словно предчувствуя смену времен, словно понимая, что прогрессу техники и науки без этого территориального простора не обойтись. Многократно за последние годы увеличились производственные площади «Светланы», но всем им хватило места за старым забором, огорожившим участок про запас на полстолетия.

Давно уже дорос Ленинград до старой окраины, давно уже перешагнул через территорию «Светланы» и плывет дальше бело-красными кубиками кирпичной кладки. Богат новый город своими собственными приметами, символами, кумирами. Но не померкла на их фоне «Светлана». Более того, именно она организовала округу, где пролегли стрелами Светлановский проспект и Светлановская улица, а главным центром стала Светлановская площадь. А еще, хоть и не узаконенные Ленсоветом в названии, но навсегда утвержденные людской молвой, долгую жизнь прожили уже Светлановский универмаг, и Светлановский гастроном, и Светлановский рынок.

«Светлана»... Предприятие с ласковым девичьим именем. Предприятие с женским коллективом процентов на семьдесят. Одно из первых в Ленинграде и во всей стране научно-производственное объединение. Давно и безоговорочно признанный авторитет и флагман отечественной электроники и приборостроения.

**В ЦЕХАХ «СВЕТЛАНЫ» ЕСТЬ
УЧАСТКИ С ОСОБЫМ
МИКРОКЛИМАТОМ.
ОН НЕОБХОДИМ ДЛЯ
ИЗГОТОВЛЕНИЯ ТОЧНЕЙШИХ
ПРИБОРОВ.**

КАК ПОНИМАЮТ РАБОЧИЕ «СВЕТЛАНЫ» ПРАВО УЧАСТВОВАТЬ В УПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ДЕЛАМИ

История завода «Светлана», на базе которого в 1962 году было создано научно-производственное объединение,—это, по сути, история развития отечественного электронного приборостроения. Летопись эта на всем своем протяжении отмечена яркими примерами творческого подхода к труду, к решению сложных научных, технических и хозяйственных задач.

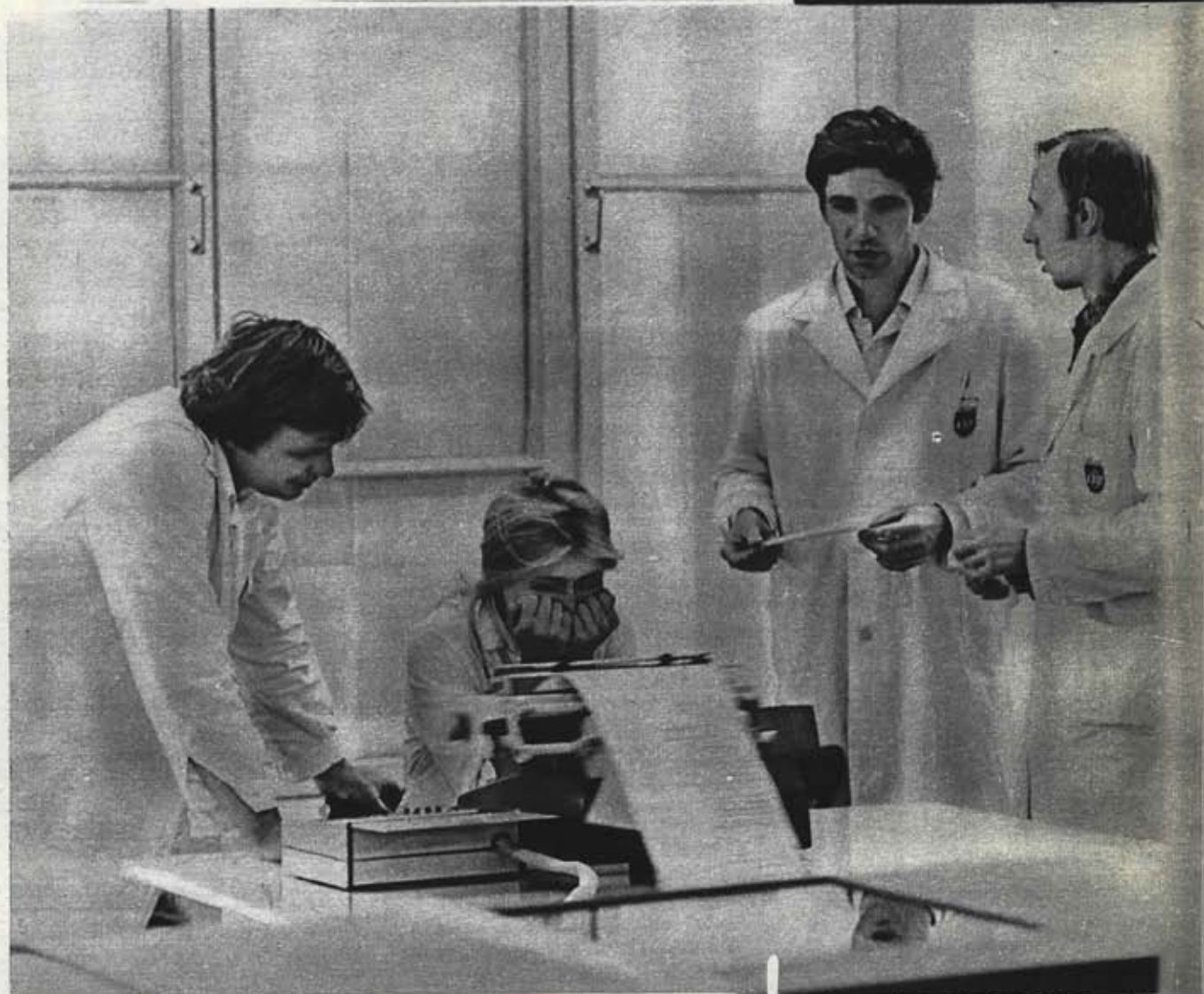
Именно здесь, на «Светлане», в начале тридцатых годов родился первый в стране техпромфинплан, ставший образцом действительно социалистической организации труда. В 1966 году «Светлана» же разработала первый в нашей промышленности пятилетний план развития коллектива. Этот план затем стал составной частью комплексного плана экономического и социального развития объединения. Новаторский стиль стал характерной чертой работы «Светланы» и позволил коллективу добиться больших успехов.

Особенно характерна в этом отношении девятая пятилетка. Уже в марте 1974 года—на полтора года раньше срока—объединение выполнило пятилетнее задание по росту производительности труда. В приветствии трудящимся «Светланы» в связи с этим событием Леонид Ильич Брежнев дал высокую оценку деятельности коллектива: «Совершенствою свою работу в рамках крупного объединения, активно используя преимущества этой новой формы организации и управления производством, ваш коллектив добился высоких результатов по повышению производительности труда и объемов производства, повышению качества и надежности выпускаемых изделий, сокращению сроков разработки и освоения новой техники. Заслуживает высокой оценки опыт объединения по разработке и реализации перспективных комплексных планов экономического и социального развития коллектива, направленных на приведение в действие резервов производства, совершенствование организации социалистического соревнования, всемерное развитие творческой инициативы трудящихся».

Это приветствие вдохновило светлановцев на новые трудовые свершения. Пятилетнее задание по объему производства коллектив выполнил в мае 1975 года.

Когда создавалось объединение «Светлана», не было у нас ни практического опыта на этом поприще, ни выверенных временем рекомендаций. На вооружение был взят опыт управления производством и научно-техническим процессом, накопленный передовыми предприятиями страны, в том числе и заводом «Светлана». На базе творческого использования коллективного опыта был создан крупный, четко действующий производственный комплекс, в который, помимо «Светланы» как головного предприятия, вошли ряд родственных заводов, научных и конструкторских подразделений в Ленинграде и специализированные филиалы в других областях.

Концентрация и специализация производства, сосредоточение однородных

процессов в подразделениях обеспечили резкое повышение уровня механизации и автоматизации работ, позволили унифицировать технологию и методы контроля за качеством продукции.

Объединение «Светлана» уверенно набирало силу, радовало успехами, его опыт становился достоянием тех, кто шел следом по пути концентрации производства. А сами светлановцы были недовольны собой. Коренным образом менявшийся профиль продукции требовал поиска новых путей научно-технического прогресса, решительного ускорения процесса «разработка—серийный выпуск» новых изделий. И родилась идея создания в структуре объединения научно-производственных комплексов.

Надо было обладать большой не только организаторской, но и просто человеческой смелостью, чтобы так решительно встать на путь коренной перестройки уже сложившейся и четко действовавшей системы хозяйственного руководства.

ПРИ ОБРАБОТКЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ ПРИМЕНЯЕТСЯ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА.

ТОЧНОСТЬ И КАЧЕСТВО—ВОТ СТИЛЬ РАБОТЫ ЭТИХ ДЕВУШЕК.

Сегодня в составе головного завода на базе конструкторских бюро образованы четыре научно-производственных комплекса. Каждое конструкторское бюро имеет специализированные цехи и наделено функциями не только разработки, но и технологической подготовки производства, освоения и оперативного управления серийным выпуском новой продукции. При такой организации производства сроки создания и освоения новых изделий сократились в среднем в два раза.

Но это не единственное следствие. Научно-производственные комплексы, органически соединив коллективы конструкторов и производственников, открыли широкие возможности для прив-

лечения рабочих и специалистов к усовершенствованию изделий на стадии разработки. Сначала появилась возможность, а потом и необходимость действия комплексных творческих бригад, в состав которых входят инженеры-проектировщики и конструкторы различной специализации, технологи и рабочие. Порой эти творческие бригады перерастают рамки «Светланы», в них привлекаются ученые институтов Академии наук, вузов Ленинграда, авторитетные специалисты с предприятий смежных отраслей. Создание научно-производственных комплексов позволило по-иному посмотреть и на проблемы качества, надежности и долговечности выпускаемой продукции.

Когда здесь заходит речь о качестве, перечисляется целый ряд организационных, технических и экономических мероприятий. Система управления качеством на «Светлане» впитала опыт саратовцев, элементы львовской системы, рекомендации ярославских дизелестроителей и автомобилестроителей ВАЗа. Приумножать свой собственный опыт, обогащая его передовым опытом других коллективов, — это тоже традиция светлановцев.

Хороша система управления качеством на «Светлане», продуманна и выверенна. И все-таки строится она не только на правильной организации, но и на старой как мир категории рабочей совести, причем большая воспитательная работа коллектива с каждым из своих членов начинается с просветительства.

«Светлана» — огромное хозяйство. Как во всяком большом хозяйстве, здесь каждый человек делает свою работу на своем участке. И каждый знает: сначала винтики слагаются в приборы. Потом приборы — в системы. Назначение этих систем в народном хозяйстве настолько ответственно, что требует точности, превосходящей даже точность эталонных часовых или ювелирных изделий. В этой сложнейшей системе очень трудно, а порой и просто невозможно заменить отдельные винтики, тем более отдельные приборы. Вот отсюда и вся философия. Нравится тебе или нет, но уж коль пришел работать на «Светлану», соотноси свои личные возможности с реальным положением дел и сумей корректировать их в нужном направлении.

Атмосфера особой, по-светлановски доброжелательной и вместе с тем строгой требовательности к качеству труда царит в этом коллективе. Молодой человек, пришедший сюда, если он не слеп и не глух, не может не оценить этой доброжелательной строгости. Ветеран производства никогда не позволит себе оступиться и тем самым пошатнуть убежденность новичка в незыблемости светлановских традиций.

Был день в жизни юной Лейлы Родионовой, когда она впервые пришла на «Светлану», в цех полупроводникового производства. Беседовали с ней не только руководители цеха, но и многие рабочие, ветераны, передовики производства. Вопросы задавали «странные»: какие отношения с родителями, с подругами, что любит читать, каким видом спорта занимается, даже про любимых артистов не забыли. Потом оказалось, что этот разговор определил в ее жизни многое, а главное — будущую профессию. Составив представление о характере, круге интересов, уровне интеллектуального развития юного человека, старшие определили Лейлу на участок фотолитографистов цеха, выпускающего интегральные схемы.

Сразу прикрепили к ней одну из опытных работниц, А. П. Демишеву. Наставница, присмотревшись к новенькой, решила помочь ей в течение года довести квалификацию до уровня своего

мастерства. Через год девушка получила право сдавать продукцию с личным клеймом качества и сейчас успешно соревнуется со своей бывшей наставницей. Причем обе дают продукцию только отличного качества.

Это не частный случай, не просто положительный пример. В десятой пятилетке вся продукция «Светланы», подлежащая аттестации, должна соответствовать уровню лучших отечественных и зарубежных образцов. Такую задачу поставили перед собой светлановцы, претворяя в жизнь решения XXV съезда партии. Экономический эффект, полученный за счет улучшения технических характеристик электронных приборов, составляет несколько миллионов рублей в год.

И еще одно обстоятельство делает судьбу Лейлы Родионовой не частным примером. Она пришла на «Светлану» пять лет назад. Тогда система профессиональной ориентации и специализации внутри предприятия с учетом всего комплекса личных качеств рабочего делала лишь первые шаги. Занимались этим непосредственно в цехах энтузиасты. Делали это от великой нужды и от великой заботы о судьбе предприятия. Подтолкнули их на этот путь богатство жизненных наблюдений и огромный практический опыт. Сегодня в объединении работает специальный кабинет профориентации и профотбора. В его штате врачи, психологи, социологи, педагоги. Они работают с учащимися подшефных светлановских школ. Через этот кабинет-лабораторию проходят все, кто хочет работать на «Светлане» и поступить в базовое светлановское ПТУ. Отсев есть. Он составляет приличный процент от общего числа желающих влиться в коллектив «Светланы». Но зато ни в одном из рекомендованных новичков сомневаться не приходится, они будут работать здесь долго и хорошо. Делается это в интересах производства. И, конечно же, в интересах каждого конкретного молодого человека.

Что такое новаторский стиль предприятия? Это сумма очень многих слагаемых. Немаловажно и такое, как борьба с усталостью не после, а непосредственно на работе, в течение всего рабочего дня. На «Светлане» имеют дело с изделиями в высшей степени изящными. Во многих цехах многие операции осуществляются только под микроскопом. И при этом во главу угла всегда ставится одно требование: точность, качество. От напряжения, от постоянной сосредоточенности устают руки, спина, глаза. Первой в Ленинграде «Светлана» обзавелась кабинетами аутогенной тренировки и психотерапии. При каждом цехе есть комната отдыха, где, почувствовав усталость и не дожидаясь перерыва, можно посидеть в спокойной позе, полежать. Десять минут такого отдыха достаточно, чтобы восстановить силы. Обязателен здесь и ежедневный кислородный коктейль. Разумеется, все это делается в интересах производства и не противоречит интересам каждого конкретного человека...

Этот лозунг стал главным слагаемым успехов, достигнутых светлановцами за последние годы. Вот почему в дни, когда по всей стране шло всенародное обсуждение проекта новой Конституции СССР, трудящиеся объединения особенно горячо поддержали статью, в которой закрепляется право граждан на труд, то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством, включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей.

Это право обеспечивается социалистической системой хозяйства, неуклонным ростом производительных сил общества, бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым специальностям.

Обложка работы
художника
Геннадия
НОВОЖИЛОВА.

1 «ЧЕЛОВЕК — ОБЩЕСТВУ, ОБЩЕСТВО — ЧЕЛОВЕКУ». Новая Конституция СССР в делах и планах ленинградского объединения «Светлана».

8 ФЕСТИВАЛЬ ПОЗМЫ. Глеб ГОРБОВСКИЙ. «РУССКАЯ КРЕПОСТЬ».

10 «РЯДОМ С ГРЯДУЩИМ».

12 ВЕХИ НАШЕЙ ИСТОРИИ. К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ. «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ».

15 Рассказ Льва УСПЕНСКОГО «ФЕДОР СТУКАЛЕНКОВ В ДАЧЕ «СТАРИК» И НА ЗВЕРИНСКОЙ УЛИЦЕ».

20 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. Олег ДЗЮБА. «ОСТРОВ КРАБОЛОВОВ».

22 «МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ». Фотоконкурс «Смены», посвященный 60-летию Великого Октября.

23 «ПРОДЛЕВАЯ МГНОВЕНИЯ...» Заметки о творчестве солистки Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова Валентины ГАНИБАЛОВОЙ.

25 Стихи Михаила АНДРОНОВА.

26 Юлиан СЕМЕНОВ. «ОСОБО ОПАСНЫЙ ПРЕСТУПНИК». Повесть в эпизодах, письмах и документах (1902—1905 гг.).

28 ОКТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1977 г.

КАК ПОНИМАЮТ РАБОЧИЕ «СВЕТЛАНЫ» ОБЯЗАННОСТЬ ЗАБОТИТЬСЯ О МОЛОДОЙ СМЕНЕ

Есть на территории «Светланы» одно здание. Оно стоит особняком, небольшое и не броское архитектурой, даже тесное по нынешним временам. В судьбе многих поколений светлановцев оно занимает место особое, воспоминания о нем дороги и значительны. И не только потому, что они связаны с юностью. Молодые годы тех, чья судьба не минула этого здания, вспоминаются школьной партией у темно-синего вечернего окна, терпением учителей и собственной стойкостью, проявленной, быть может, первый раз в жизни.

Вечерняя школа... Тригонометрические функции, когда хочется спать. Бином Ньютона, когда хочется гулять. Образ Андрея Болконского, когда собственное воображение прочно занято парнем в куртке-«москвичке» и кепке-«лондонке», натянутой чуть ли не на глаза...

Вечерняя школа... Она сокращала время для сна, танцев и парикмахерской. Она заставляла плакать и краснеть перед мастером в цехе при стопроцентно выполненной норме и прочих отличных показателях. Она, казалось, ущемляла человека. Но и делала счастливым тоже. Ибо возвращала ему унесенные войной школьные годы. Дарила дружбу ровесников. Открывала необъятный мир знания, такой заманчивый даже для того, перед кем дверь в него открывали чужие заботливые руки, и из класса в класс переводили они же, чужие руки, а сам он упирался и сердился. Потом он, быть может, забыл тех, кто подталкивал, но никому не дано забыть, что была в его судьбе вечерняя школа, классы его духовного возмужания, мир, который наравне с цехом лепил его ум и характер. Мир, который открывал даль неоглядную по имени «Жизнь».

Много дорог ведет в эту жизнь. И кто-то выбирал дальние, на юг и на север, во льды и в субтропики. А большинство все-таки оставалось на родном предприятии, понимая, что их место здесь, что в сложном мире по имени «Светлана» дороги тоже не однозначны.

За углом главной проходной объединения, на Светлановской площади, в самом центре ее, высится громада радиополитехникума. Многие предприятия Ленинграда дожидаются отсюда специалистов, а главным образом — «Светлана». На вечернем факультете этого техникума многие поколения светлановцев получали и получают специальные знания по профилю своего предприятия.

На территории «Светланы» расположен вечерний факультет Северо-Западного политехнического института. Он готовит специалистов по технической кибернетике и конструкторов электровакуумных и полупроводниковых приборов. Есть на «Светлане» и базовые кафедры двух ленинградских институтов — электротехнического имени Ульянова (Ленина) и технологического имени Ленсовета. Студенты после трех лет учебы в вузе проходят специализацию непосредственно на производстве, под руководством специалистов «Светланы». Причем эти базовые кафедры

возглавляют тоже светлановцы, кандидаты технических наук. Поистине разноплановы дороги «Светланы». Открытые для всех, они предоставляют человеку огромный простор для любого выбора, любой деятельности.

Анатолий Степанович Емельянич — ныне заместитель начальника производства объединения. Евгений Григорьевич Николаев — начальник цеха. Юрий Константинович Быстров — заместитель главного инженера объединения по заводу «Светлана». Василий Степанович Алыпов — еще недавно начальник цеха, избран заместителем секретаря парткома. Им доверено руководить производством, воспитывать, направлять и организовывать немалые людские коллективы. А первой ступенькой к нынешней руководящей работе для каждого из них была школьная парта у темно-синего вечернего окна. И вместо сна и отдыха, вместо свиданий и музыки на танцплощадках, вместо всего того, что составляет особый аромат юности и отличает ее от остальной, размеренной и обдуманной жизни, у них была учеба изо дня в день, из года в год. Школу сменил техникум, после техникума они шагнули в институт. И все это вечером, после окончания рабочего дня.

Спору нет, каждому из них, а также всем остальным, кто получил вечернее образование, ни воли, ни характера, ни упрямства, ни трудолюбия не занимать. Но кто знает, как надолго бы хватило им этих качеств, если бы не заботилось о них дальновидное, умудренное опытом наше Советское государство, общество, предприятие.

Ежегодно на «Светлане» проводится смотр «Каждому молодому труженнику — среднее образование». Всем учащимся предоставляются два нерабочих дня в неделю с оплатой и оплачиваемые отпуска для сдачи экзаменов. Очередной отпуск учащемуся-вечернику предоставляется только летом. Стало традицией выпускникам школы и молодым специалистам вручать ценные подарки из директорского или из общественных фондов. Как часто бывало, что молодой

человек шел в школу не для себя, а для старшего мастера Валентина Петровича, для наставника своего дяди Васи, для Люси Ивановой, секретаря комсомольской организации, и лишь через годы понимал, что не он учился для них, а они работали за него и для него. Чтобы он учился. Предприятие тратило конкретные деньги, уплотняло конкретные рабочие дни, чтобы выводить в люди, в специалисты тех своих работников, кто не сумел доучиться вовремя. Предприятие справедливо видело в этом свою, государственную, общественную пользу. И, конечно же, пользу для каждого конкретного человека.

Все это находится в неразрывной связи с положением Конституции, в котором четко и ясно говорится об участии коллективов трудящихся, общественных организаций в управлении предприятиями и объединениями, в решении вопросов организации труда и быта, использования средств, предназначенных для развития производства, а также на социально-культурные нужды и материальное поощрение.

Два года назад рядом с корпусами «Светланы» появилось новое здание. Одним из первых в Ленинграде объединение построило для своего базового ПТУ-33 учебно-производственный комплекс с тем, чтобы давать юным ленинградцам — будущим светлановцам вместе со специальностью среднее образование. Три блока этого комплекса как-то сразу вписались в присветлановское пространство, и уже через месяц казалось, что стояли они здесь всегда. Можно, конечно, говорить о том, что еще нужно было бы учесть строителям при проектировании подобных зданий, каких кабинетов не хватает, какие могли бы быть просторнее. Но достигнуто существенное: в следующем году выпу-

ЭКЗАМЕНЫ У УЧАЩИХСЯ ПТУ ПРИНИМАЮТ ВЕТЕРАНЫ И НОВАТОРЫ ПРОИЗВОДСТВА.

ЗАВТРА С ДИПЛОМАМИ ПТУ ОНИ ПРИДУТ НА «СВЕТЛАНУ».

Скиники ПТУ-33 получают дипломы нового образца, где будет сказано о том, что их владельцы теперь имеют наряду со специальностью среднее образование. И это тоже свидетельство того, как на деле реализуется на «Светлане» записанное в статье 45 новой Конституции положение об осуществлении в нашей стране всеобщего обязательного среднего образования молодежи.

На «Светлане» прекрасно понимали, как непросто перестроить уже сложившуюся систему профессионально-технического обучения, сколько потребует такая перестройка материальных и нравственных затрат. Но столь же ясно понимали и ее насущную необходимость. За последние два года только на оснащение кабинетов базового ПТУ объединение истратило более восьмидесяти тысяч рублей. Совсем недавно в мастерских училища установлены три операционно-фрезерных станка взамен устаревших. В цехах объединения изготовлено десять пультов дистанционного управления, и теперь преподаватели, не отходя от своего стола, могут включить киноаппарат, диапроектор или магнитофон. Кабинеты специальных дисциплин, рабочие места мастеров оснащены самой современной техникой.

Заканчивается оборудование мастерской по сборке полупроводниковых приборов. Здесь с помощью бригадиров-производственников будет освоено выпуск плановой заводской продукции. Учащиеся ПТУ, получающие специальность сборщиц, будут собирать несколько видов приборов и одновременно учиться.

Коллективы преподавателей и базового предприятия прежде всего озабочены тем, чтобы выпускники училища обладали широким общим и профессиональным кругозором, чтобы, придя на производство, они легко осваивали смежные профессии, были восприимчивы к новому, не боялись перемен. Это качество особенно необходимо в такой постоянно прогрессирующей отрасли, как электронное приборостроение.

Чтобы успевать за производством, за развитием его и обновлением, училище меняет свою структуру в соответствии со структурой производства. Все очевиднее становится, что будущее электронного приборостроения — микроминиатюризация. В связи с этим уже сегодня появилась потребность в новой профессии с длинным названием: изготовители сетчатых трафаретов, печатных схем и шкал. Специальность очень сложная, нужно освоить более тридцати операций, требующих знания математики, электротехники, химических и физических явлений. Первый выпуск трафаретчиков со средним образованием «Светлана» получит в 1979 году.

Растет училище, расширяется список профессий, которым обучаются юноши и девушки, пришедшие овладеть про-

фессиональным ремеслом. Сегодня десятки мастеров, бывших рабочих «Светланы», учат завтрашних светлановцев. А двусторонние договоры между учебными группами и производственными участками создают новую атмосферу взаимной ответственности и у наставников и у учащихся.

Первые в этом году восьмиклассники пришли в училище с заявлениями в мае, не дождавись выпускных экзаменов. Факт любопытный, вызвавший естественный поток вопросов: что привлекает их именно в это училище, чем нравится избранная специальность, каким представляют свое будущее. Ответы были разные, но одинаковые в главном: ребята бывали на «Светлане», много читали и слышали о ней, их привлекает возможность овладеть современной профессией, работать на производстве, которое быстро развивается и имеет большое будущее.

Известность «Светланы», ее техническая вооруженность, надежность ее продукции привлекают молодежь. Ребята приходят в училище, зная, что это первый цех объединения. И этот цех нравится даже придирчивым, разборчивым юным ленинградцам, избалованным возможностями большого города.

В базовом ПТУ сегодня рождаются и прочно становятся на ноги будущие кадры объединения. Но все еще стоит на территории «Светланы» старое здание вечерней школы, и в нем каждый вечер собираются светлановцы. Однако в объединении утверждают, что вечерняя школа отживает свое и перестанет существовать до конца этой пятилетки.

Не правда ли, в первую минуту грустно становится от подобного прогноза. Вечерние школы прочно вросли в наше сознание, были они для нас когда-то предметом не только необходимости, но и гордости и сослужили добрую службу человеку и государству. И вот, представьте, лет через пять юные наши граждане, просматривая по телевидению «Весну на Заречной улице», спросят родителей: а что такое вечерняя школа?

Вечерняя школа... Дорогие твои окна останутся в памяти лишь тех, кто учился давно, кого жизнь смолоду не баловала. Но так ли уж печален тот факт, что некому больше учиться в вечерних школах? Ведь это значит, что стала наша жизнь для всех без исключения материально благополучной и материальное благополучие немедленно дало знать о себе в сфере духовной. И это наше достижение, естественно, тоже нашло отражение в статье новой Конституции, гарантирующей право граждан СССР на образование.

Это право обеспечивается бесплатно всеми видами образования, осуществлением всеобщего, обязательного среднего образования молодежи, широким развитием профессионально-технического, среднего специального и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством...

КАК ПОНИМАЮТ РАБОЧИЕ «СВЕТЛАНЫ» КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ: «СВОБОДНОЕ РАЗВИТИЕ КАЖДОГО ЕСТЬ УСЛОВИЕ СВОБОДНОГО РАЗВИТИЯ ВСЕХ»

Рядом со «Светланой» — две большие зеленые зоны: Сосновка и парк Челюскинцев. Обе они в судьбе «Светланы» сыграли свою примечательную роль, обе по-своему знамениты.

Новичку, который интересуется Сосновкой, говорят так: идешь по проспекту до первого паркового поворота, дальше держи ориентир на выстрелы. Они, и правда, слышны еще с проспекта, чуть приглушенные лесом, следующие один за другим с такой последовательностью, что кажется, будто стреляют из автомата. Автомат в Сосновке? В шестнадцать часов пополудни, просто так, в обычном мирном парке, где бабушки вяжут носки, а дети строят песчаные башни?

Нет, автомат тут ни при чем. Причина постоянного любопытства посетителей Сосновки — спортивная стрельба. В Сосновке тренируется светлановская секция стендовой стрельбы. Занятия ведет мастер спорта Геннадий Сергеевич Федотов. Самому ему не довелось занимать высшие ступеньки пьедесталов почета на крупных соревнованиях. А вот его воспитаник Владимир Мороз, тоже светлановец, стал чемпионом Советского Союза по стендовой стрельбе.

Что ж, такой успех — уже солидная мера, которой можно мерить состояние спортивной работы в объединении. И светлановцы гордятся своими чемпионами. Но прежде всего подчеркивают следующее: весьма известный в спортивном мире Геннадий Федотов — настоящий рабочий, токарь высокого разряда, из тех, на ком держится цех. Чемпион СССР Володя Мороз тоже классный токарь и тоже первая скрипка в выполнении цеховых плановых заданий. Как ни ярки спортивные успехи — они дело временное. Профессиональная же и человеческая состоятельность — величины постоянные.

А проверена эта светлановская точка зрения на примере поистине выдающегося. Но это уже история, родившаяся в парке Челюскинцев.

Жила-была девочка. Обыкновенная хорошая девочка. Работала на «Светлане», дружно жила с мамой и братом. От других отличало ее лишь то, что зимой и летом после работы она спешила в противоположную от дома сторону, к уютному стадиону парка Челюскинцев, ледовая дорожка которого и сейчас еще считается лучшей в Ленинграде. Именно отсюда, с этого льда, началась спортивная карьера будущей победительницы чемпионатов Союза, Европы, мира и Олимпийских игр. И мы узнали и запомнили имя Нины Статкевич. А она, завоевывая все новые лавровые венки, возвращалась на «Светлану», садилась на свое рабочее место и выполняла положенную всем рабочей норму.

Сегодня Нина Андреевна Статкевич не работает на «Светлане». Ее тренер, тоже экс-чемпионка мира Лидия Матвеевна Селихова, руководство «Светланы» пришли к выводу, что надо Нине Статкевич менять профессию, надо ей готовить в парке Челюскинцев новых ледовых чемпионов. Она стала тренером, но светлановское отношение к делу сохранила. Как-то попросили ее

рассказать о своей новой работе, об успехах. Она ответила:

— Мне рассказывать еще нечего. И фотографировать меня с ребятами не надо. Тренер Статкевич особого внимания к себе пока не заслужила.

Почему же растут на «Светлане» чемпионы? Ведь двое упомянутых не исключение. И, несомненно, будут новые. Судите сами: мужская баскетбольная команда — участник чемпионата Совет-

ского Союза. Тренер по велосипеду Николай Константинович Дегтярев за три последних года подготовил нескольких мастеров спорта.

«Светлана» располагает прекрасной спортивной базой. Стадион напротив проходной. Практически в распоряжении «Светланы» новый спортивный комплекс радиополитехникума. Да и строился он с помощью «Светланы». В объединении работают секции спортивной и художественной гимнастики, плавания, бокса, настольного тенниса. Массовая работа по комплексу ГТО признана лучшей в Ленинграде.

Немалый опыт «Светланы» в комплексном планировании позволяет сегодня важнейшие социальные проблемы решать дифференцированно. И в этой пятилетке светлановцы решили полностью обеспечить свои потребности в различных детских учреждениях.

Нельзя сказать, что на «Светлане» бедствовали с детскими садами. На Выборгской стороне, например, даже отказывались брать светлановских детей в ясли и детские сады районного подчинения. Мотивировали просто: вы и так хорошо живете. Однако массовое переселение в новые районы поставило детскую проблему, что называется, ребром — светлановцы ехали поближе к «Светлане». И детей через весь город в старые сады возить не хотели.

Два новых детских комбината — на 280 и 180 мест — построила «Светлана» совсем недавно. Причем и в построенных ранее и в новых есть круглосуточные группы. Строится еще один на Лужской улице. Эта улица от «Светланы» не ближний свет. Но зато проходит она по району, который, говорят, идеален по «розе ветров»: никакие промышленные дымки не проносятся над его крышами. Поэтому решено в новый

комбинат перевести из уже действующих все круглосуточные группы. Съездить туда два раза в неделю мамам не в труд, а дети зато будут дышать идеально чистым воздухом.

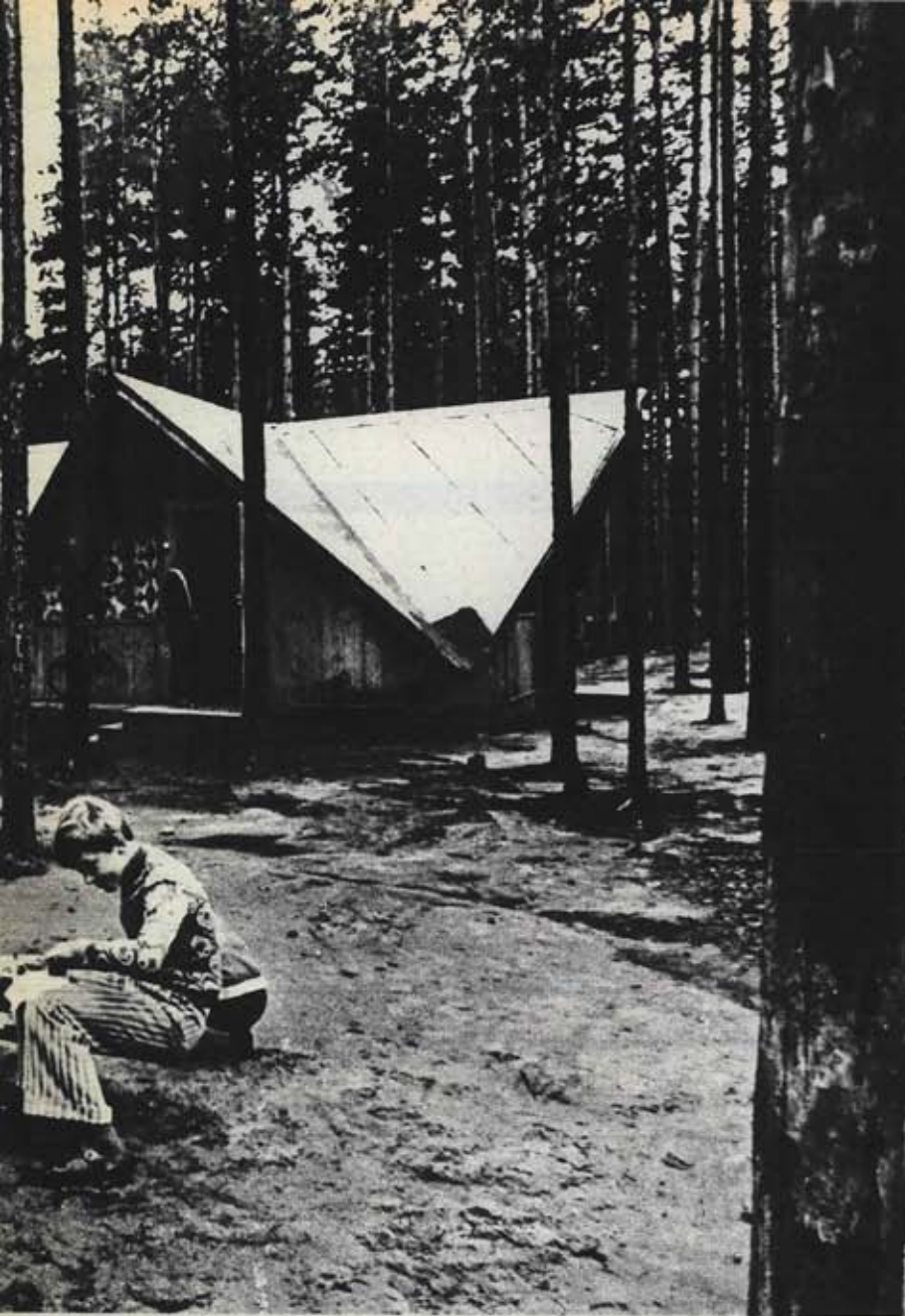
Летом «Светлана» увозит своих детей за город, в Роцино. Малышей от трех до семи — в «Ласточку», школьников — в пионерские лагеря. Мы по инерции жалуемся на демографическое затишье. А вот на «Светлане» этим летом при комплектовании одной из групп в «Ласточку» обратили внимание на следующее обстоятельство: из сорока детей восемь — близнецы. Из одной только семьи Матвеевых «Светлана» вывозит летом за город пятерых детей. С родителями остается один, грудной. Отдыхают дети — об этом заботится «Светлана». Но ведь и родители в это время тоже отдыхают от домашних забот и хлопот. И, кстати, имеют возможность во время отпуска спокойно ехать

**ТЫСЯЧИ КНИГ НАСЧИТЫВАЕТ
БИБЛИОТЕКА ОБЪЕДИНЕНИЯ.**

**БАЗА ОТДЫХА ДЛЯ РАБОЧИХ
НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ.**

**ВОТ ТАКИЕ КРАСИВЫЕ ДОМА
СТРОИТ «СВЕТЛАНА».**

**АНСАМБЛЬ НАРОДНЫХ
ИНСТРУМЕНТОВ — ПОБЕДИТЕЛЬ
МНОГИХ СМОТРОВ И КОНКУРСОВ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ.**

дому положен раз в году, есть остальное время, когда тоже нужно думать об отдыхе и здоровье, ибо здоровье человеку нужно всегда. И об этом тоже неустанно заботится «Светлана». Затраты только на охрану труда составили за последние годы два с половиной миллиона рублей. Это позволило полностью реконструировать систему освещения на производстве, расширить санитарно-бытовые помещения.

Построен лечебно-профилактический центр, в нем и поликлиника и профилакторий. Такое соседство естественно: пациенты профилактория, не затрачивая много времени, могут пользоваться процедурными и лечебными кабинетами. Здесь есть водо- и грязелечебница, физиотерапевтическое отделение, зубо-врачебный кабинет, кабинеты массажа, парафинолечения. Уютные комнаты с современной удобной мебелью, просторные холлы, библиотека, телевизор — все это делает обстановку профилактория по-домашнему теплой.

В плане экономического и социального развития объединения предусмотрено и расширение торговой сети. Странно? Ничего странного. Речь идет об организации столов заказов, бюро добрых услуг с доставкой товаров на дом, планируется открытие новых столовых с широким ассортиментом полуфабрикатов. Все это уже есть, но, как показывает жизнь, требуется в гораздо больших объемах.

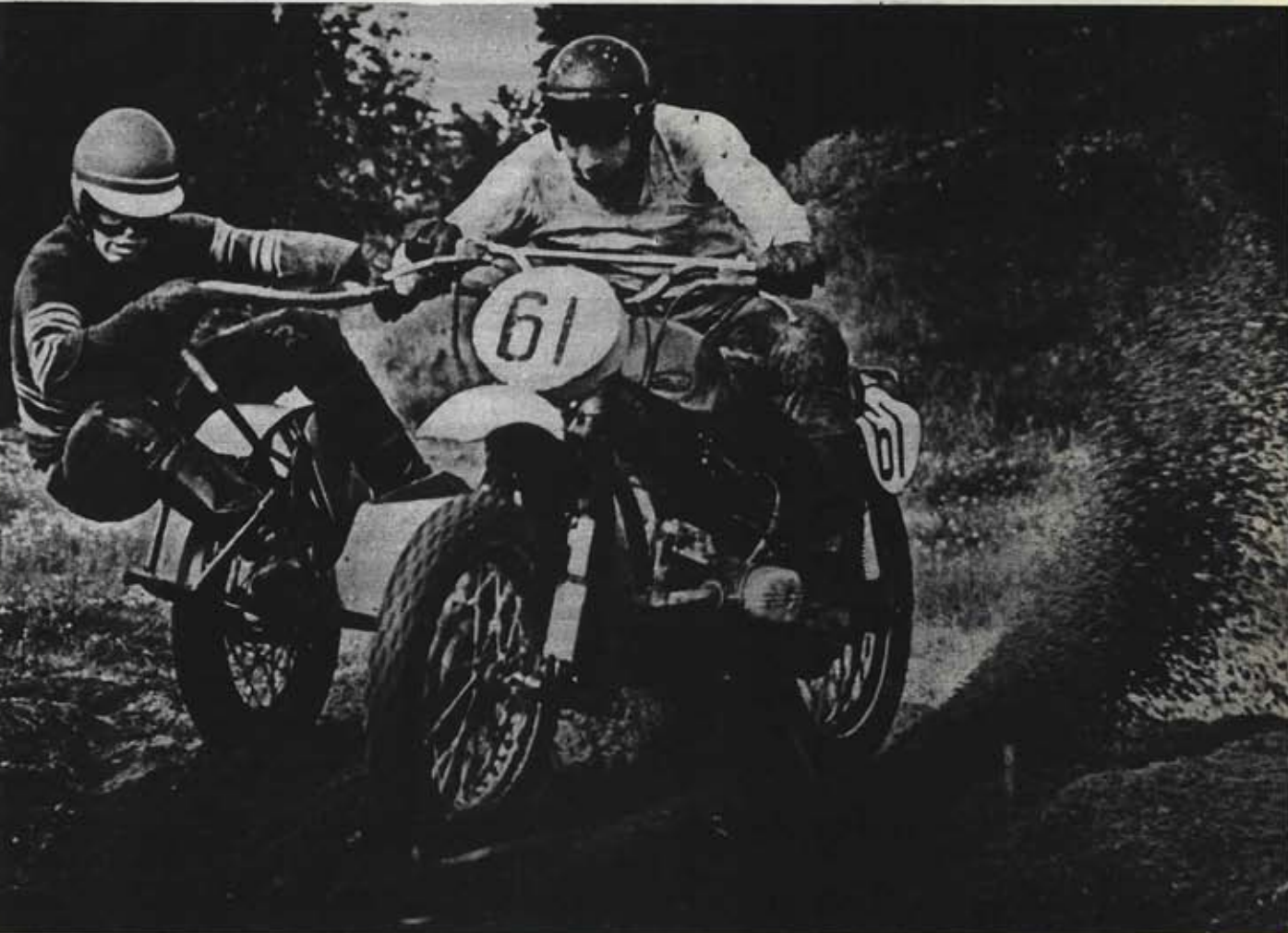
Приступила «Светлана» и к реализации давнего, очень необходимого, очень долгожданного дела — строительству своего Дома культуры.

Десятая пятилетка поставила перед коллективом «Светланы» новые серьезные задачи: должен значительно увеличиться объем производства, на семьдесят восемь процентов вырасти производительность труда. Решать эти проб-

лемы светлановцам помогает их общая заинтересованность в реализации комплексного плана экономического и социального развития коллектива. Как подчеркивалось в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, «организация и управление в социалистическом обществе опираются на ленинский принцип демократического централизма, предусматривающий органическое сочетание единого, централизованного, планового руководства хозяйством и социально-культурным строительством с развитием местной инициативы, с разнообразием путей, приемов и средств движения к общей цели».

Так и живет «Светлана», одно из первых в Ленинграде научно-производственных объединений, флагман отечественного электронного приборостроения. Шагает спорно и широко. Поражает не только хозяйским разумом, производственными достижениями, но и размахом всеобъемлющей заботы о человеке труда.

**В ОБЪЕДИНЕНИИ ЕСТЬ СВОЙ
ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР.**

**НА ТРАССЕ — ЗАВОДСКИЕ
МОТОГОНЩИКИ.**

путешествовать, купаться в Черном море, смотреть красоты родной земли. Больше половины светлановцев ежегодно отдыхают в санаториях и домах отдыха. При этом каждая пятая путевка в санаторий и каждая десятая в дом отдыха — бесплатные. Само объединение располагает пригородными базами отдыха. На Черноморском побережье в пансионатах Гуммисты и Кабардинки светлановцы уже сегодня получают по сорок путевок на смену. Уже ведется на долевом участии строительство дома отдыха в Сухуми, пансионата в Хосте, санаториев в Кисловодске и в Прибалтике. Получает «Светлана» и до трех тысяч туристских путевок на сезон. А ведь помимо отпуска, который каж-

РУССКАЯ КРЕПОСТЬ

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМАХ

1

Мне явился прохожий. В лаптях. За плечами котомка. Можжевеловый посох. И синяя взгляда каемка. Весь он был непонятный, какой-то киношный, потешный и пропахший дорогой — не нашей, бензинной, а пешей. Он сказал мне, присев на пластмассовый краешек стула: «Ты сходил бы туда... Посетил бы...»

Пока ее ветром не сдуло. Ой, ветха крепостенка! Хоть знатная кладка, но годы не щадят и ее... Прогуляйся, очнись от дремоты. Там, в колоючих лесах, за Шелонью рекой-непоседой, по тебе городишко один стосковался...

Его ты проведай. Там, на светлом холме, под слоями земли терпеливой, клад открой тебе — не кубышку, но образ счастливый! Торопись... — прошептал он. И тихие лапти премудро зашуршали в траве по лугам восплававшего утра.

2

Я очнулся в квартире. В мирке, облицованном камнем. В электрическом теле- и радиогоме! Пела в трубах вода. Лифт снаружи скрипел, как калитка. И урчало жаркое, терзаясь на газовой плитке. Современная крепость. Спастись в подобной не трудно. Если враг постучится — сними телефонную трубку: позови караульных...

Но стыдно спастись в хоромах, если русская крепость, как сон,

растворяется в громах! Там, на светлом холме, продуваемые грызут ее ветры... Собирайся в дорогу. Ступай, передай ей приветы от бывших землелюбцев, певучего некогда люда, что в стеклянные башни домов перебрались оттуда. Посети, прикоснись... Брось кирпичик на дно чемодана, отнеси его в крепость. Сквозную заделай в ней рану.

3

И с тех пор, где бы я ни скитался по белому свету, я себя убеждал: это к ней я лечу или еду! Это к ней, просыпаясь, иду я бетонной тропею... Значит, крепость была и пребудет моею судьбою. Эта крепость, как древо, пустившее корни и ветви. Вон горит в его кроне зубец Петропавловки светлый! Молодое из древних строений Российской долины. Мы заглянем туда, потревожим его рavelины. Эти стены молчат. В них сочтены беспаятство боли... Здесь когда-то томились строители новой юдоли. Здесь, пылая, глаза упирались в холодные своды. Шлифовались сердца, возводившие крепость Свободы. Не они ли ложились гранитною кладкой России, пред которой не ветры — все черные мысли бессильны?

4

На песке у стены загорают с утра горожане. Раздеваются, моются в Невской купели, как в бане. А иные стоят, прислонившись к нагретой твердыне. Гладят камень, хранящий минувшие зори поныне. Обнажилась в песке допетровской чеканки монета. Но волна набегала и вновь ее смыла со света. В Петропавловской крепости бродят туристы, зеваки. ...Возвели ее люди. А царь начертал на бумаге. Люди строили стены. Защиту от врага. Силу. А Великий (но — царь) — лишь свою дорожную могилу. ...Время, время идти. Странна поманила родная. Где-то там, за холмами, зовет меня крепость иная, — коренная, матерая, вросшая в землю по плечи! Сколько прочих увижу, пока эту главную встречу...

5

А чуть вверх по Неве — в опяске кирпичиков — Лавра. И сияние вновь — не крестов, но Отечества славы!

Здесь Суворов лежит... Сухощавый солдат, не вельможа. И могила его ровень с полом. Но сколько дороже! Здесь притих Ломоносов — мечтатель,

мужик камнерукий, зачинатель рассвета на небе российской науки. Здесь музыка почует, и мощны ее отголоски! В плоть гранитную Мусоргский врезан,

а в мрамор — Чайковский. В Невской лавре, как сфинкс (поделиться загадкой не с кем?), не отводит от нас металлических глаз Достоевский. Великаны Земли. Вами тяжкие глыбы подъяты. Но во славу Отчизны деяния каждого святы. Великана и просто Ивана, что ладил тут стены... Все во крепость России в труде преклонили колены!

6

А чуть вверх по Неве... Там сегодня развалины, брешы... Слава наша и скорбь —

Шлиссельбургская крепость, Орешек. Слава насмерть стоящих и пыточной камеры крючья... Лучше мы обойдем это место.

Для воздуха память лучше. Да и взорвано все... От бывшего могущества — ключья. В прошлом тоже не солнце сплошное —

бывали и темные ночи. ...Время, время идти! Хорошо бы разуться, да ноги от дороги отвыкли и столь беззащитны в итоге. Вот я вижу людей, разбирающих мостовую, заливающих землю асфальтом — родную, живую. Подожду, попрошу, может, их не смутит моя фраза: «Подарите мне, люди, граненый кусок диабазы... Там, на светлом холме,

продырявилась крепость-надежда. Я доставлю ей камень. И сделаю это прилежно».

7

Людям камня не жалко. «Бери, — говорят, — не убыток». Положил я в рюкзак отшлифованный временем слиток и пошел по проспекту, точнее — к Московской заставе... (Улыбайся, читатель, во след пешеходу — ты вправо. Улыбнись, но беззлобно! Как те работяги с дороги, что вручили мне камень у выхода в путь — на пороге.) ...Стены улицы круты: не держится шапка при взгляде! Что ни улица — крепость!

И крепость в отменном наряде: алюминий, стекло, амбразуры окошек... А рядом — человек! Не в лаптях, но все тот же —

с синеватым взглядом. Не котомка — портплед и не посох,

а трость из самшита... Говорит мне: «Свернемте с проспекта —

тут крепость сокрыта!» И ведет через двор в монастырские дебри, покой, где сейчас заведенье, но только не помню какое.

8

И приводит он в сад, а точнее — на кладбище. Только здесь давно не хоронят: наверное, нет в этом толка. И подводит к могиле, и как-то не верится сразу, что под этим крестом оборвал свою песню Некрасов. А прохожий в штиблетах, мой мудрый

и добрый попутчик, продолжает: «А там вон, за тою березою, — Тютчев... Если вас это имя, конечно, волнует немного...»

Что ж, могила поэта должна быть чуть-чуть одинока. Вместо розы пришлось положить свою руку (нелепость?), и рука ощутила не холод, не мрамор, а крепость! Ах, какая земля!

Что ни шаг, то святая примета. ...Время, время идти! Добиваться у жизни ответа: отчего допустима деяний нетленная сила, а творца сих деяний в итоге объемлет могила?

9

«Вот наивный вопрос! — скажет критик, уставший от книжек. —

Не пора ли привыкнуть к тому, что мы временно дышим!»

Да, привыкнуть пора... Только что-то не очень охота. ...За воротами города — череп старинного дота. Поросли амбразуры травой-лебедой, лопухами. Все пробойны, трещины стянуты нежными мхами. Но суровые эти обломки, оглодки, останки не пустили в мой город чужие и наглые танки. ...Тут я снова увидел два глаза небесной окраски: был прохожий теперь в гимнастерке,

и в кровавой повязке. И сказал неизвестный, присев на бетонную глыбу:

«За день сорок атак... Сорок первую... тоже смогли бы! Ты мне веришь?!» — спросил он,

и разве ж я мог сомневаться, если Родина наша сумела живою остаться!

10

Он погладил рукою, как сына, бетонный огрызок. «Эту малую крепость внеси в свой рифмованный список. Да спеши, торопись! За Шелонью, где отчие земли, крепостенка тебя ожидает, забытая всеми. Та, родимая, кровная... Нет ее взгляда полезней. Оградит она сердце твое от тоски и холодной болезни». Вскинул я рюкзачок. Оглянулся на воина робко. В спину камень стучал, выбивая морзянку на ребрах: «Торопись! Торопись!»... Отчего ж мне —

не сдвинуться с места? Этот умерший дот мне напомнил развалины Бреста...

Сразу после войны проходил я местами сражений. Белорусские земли лежали в крови без движений. А на красном холме, там,

где грезилась крепости глыба, отдыхал пехотинец... И я ему крикнул: «Спасибо!»

11

Мы остались стоять. На земле. Над землей. Над печалью...

Наша жизнь, как тот воин уставший —

опять возникла за далью! Мы остались стоять на Днепре, на Амуре, на Волге...

Крепость нашей судьбы возвели мы светло и надолго. ...И легко я пошел, и дорога со мною дружила. А когда я устал — подвезла, подсобила машина. И на ясном рассвете — с холма —

на пространствах долины Новгородскую крепость увидел! И Волхов быллинный...

Розовела стена. Колокольня Софии пылала. Я спустился к реке и умылся, и кровь заиграла!

Ой, вы годы мои! Не шумите, как лес, надо мною.

Я опять молодой, словно время прошло стороной. Я стою на земле, где извечно Россия стояла.

Я здесь лягу потом... И не будет теплой одеяла.

12

В Новгородском кремле — современного быта приметы. Экскурсанты открытую крепость штурмуют, как шведы! Все таращат глаза! Все немножко шальные от видений... «Кто построил сей храм?!» — а в ответ:

«Да какой-нибудь гений!» Вот, на памятник глядя, с акцентом сказала старушка:

«Значит, тысячу лет простояла Россия послушно...»

«Ну не так уж послушно!» — ответил ей внук и зарделся.

«А потом, — добавляет старушка, — ужасный пожар разгорелся!»

...Тут возник синеглазый. Под видом туриста... «Взгляни-ка, — говорит, — возле храма уже зацвела земляника!»

Разгреби-ка цветы да прочти мне
вот с этих скрижалей...»
Наклоняюсь к плите и читаю по буквам:

«ДЕРЖАВИН!»

13

Православная Русь! Свято место не может быть пусто.
Вот куда положила страна своего златоуста!
Прямо в крепость, во кремль—

для скрепления тверди и духа.

...Гений Пушкина нам уловило Державина ухо!
И лежат они оба—

два разума русских, два чуда.

(Святогорская крепость не так уж далеко отсюда.)

Добегу до нее, поднимусь,

непрерывно увижу.

Высоки их могилы,

а слава и слово их—выше!

...Как-то случай возник: занесло меня вдруг

в заграницу.

Помню: крепость в горах—есть на что посмотреть,

подивиться.

А внутри ее замок. Как скалы, толстенные стены.

Как гора на горе, эта крепость казалась нетленной.

Заглянул я и внутрь...

А внутри не покой—гробница!

Оболочки медведей, быков, крокодилов и птицы.

Сотни, тысячи чучел: олени, тушканчики, козы...

Так и ждешь, что сейчас человека увидишь без мозга.

В общем, горы костей да побитая молью «одежда»

леопардов, бобров, снежных барсов и уток нежных.

Ах, хозяин давнишний, ах, славный охотник вчерашний,

почему в твоём доме сегодня мне, грешному,

страшно?!

Почему я сегодня, идя по дороге былинной,

вспомнил замок неведомый, похожий на череп звериный?

Может, дерзкий Державин навлек облака размышлений:

что есть крепость Отечества?

Мудрый народ или гений?

Но ведь тот и другой—созидатели.

Личность и вечность.

А уж коль создаешь, всегда проявляешь

сердечность!

...Люди ладили крепость, жар сердца

пролили во камень.

А хозяин ружье наводил на округу веками...

14

Я добрался до Пскова, когда у черты горизонта

беспризорная туча о солнце ударилась сонно...

Над рекою Великой прохлада с туманом мешалась,

и ворочался воздух...

И жадно жилось, как дышалось!

В смутном свете сквозь ночь купола проступали,

чернея.

И увидел я крепость... И певчие звезды над нею!

Пели звезды, как дети, послушным и радостным хором

о земле и о людях с небесным, ликующим взором.

...А потом я увидел у самой воды рыбакова.

Он взглянул на меня—бестелесный и древний,

как слово.

Был он чистый, как свет,

лишь дымилась туманом рубаха...

Он окликнул меня беспечно и звонко, как птаха.

«Эй,—сказал он,—присядь. Хочешь время послушать

со мною?

Отдохни, помолчи. И услышишь его над волною».

15

...Будто колокол пел—перезвоны текли, перегуды

из минувших, осевших веков, из оттуда,

где на шумное вече стекались народы когда-то,

чтобы вместе решить, как в бою сокрушить супостата.

Скрежетали подковы на спуске булыжном к Великой.

Сыромятная сбруя скрипела...

И всадник с обветренным ликом

проплывал над туманом, над берегом сонным и чутким,

прижимал на прощанье любезную деву к кольчуге.

...А когда рассвело и увидел я берег и травку,

а на ней рыбака, а над ним еще—столб телеграфный,—

захотелось курить... Потянуло в гостиницу, к прозе...

Тут и вспыхнул рыбак! Разрумянился, как на морозе!

Синь в глазах за клубилась...

«Опомнись!—кричит.—Ради бога!

Время, время иди! Воздымись же! Осталось немного.

16

Ты успеешь! Ты помнишь, какая нас гонит причина!

От великой мечты остается так мало песчинок...

Здесь, во Пскове,—дивья!

Старина здесь в надежном почете.

Каждый камушек здесь у дотошных людей на учете.

Стены взяты под крышу, вокруг археологи выются...

А на ту, за Шелонью, лишь хмурые дождики льются!»

Рисунок Михаила ПАПКОВА

...Отругался рыбак, отвернулся... А я беспокоюсь:
«Слушай, дядя, ты кто?» А в ответ,
словно молния: «Совесть!»
«Совесть русской земли! Есть такое в народе
устройство.
И поэты всегда проявляли о нем беспокойство...»
«Где живешь ты?»—спросил я. Ответил:
«Повсюду и рядом».
И прожог на прощанье синюющим взглядом!
«Ты на верной дороге!»—сказал мне рыбак.—
Для начала
кряй родной возлюби, чтобы ближе Вселенная стала!»

17

Лес раздался... чуть ниже—обвившая лентою горы
растеклась по холмам монастырская кладка Печоры.
Серый камень и звон колокольный—увесистый, медный,
допотопный, забытый, как старая песня, приветный.
Прохожу в монастырь, вниз иду по Кровавому спуску...
Здесь Московии царь, напрягая карающий мускул,
настоятельно голову снес самолично!
Понерничал малость...
Царь был Грозным царем, и такое ему полагалось.
Снял голову и вдруг зарыдал, осознав в себе хама!
На руках настоятеля нес до притихшего храма.
Кровь текла на булыжник.
А крепость апела рассветно...
Царь берег государство. Он делу служил беззаветно.
Пусть монах невинен!
Невинная кровь, если надо,
охраняет владыку надежной любого солдата.

18

Прохожу в глубину. В знаменитые лезу пещеры.
Суетливый монах излагает мне принципы веры.
Не преминул похвастать:
«У нас тут покойнички тленью
не подвержены вовсе, к великому всех изумлению!»
...А в песчаной горе и действительно
воздух нормальный.
Но не дачный, душистый, а чистый, как смерть...
Минеральный.
Я сжимаю свечу—эту ниточку света во мраке...
Не к смирению сердце мое приспособлено—к драке!
Я наружу хочу. Мне безмерное небо—кумиром.
Я наружу хочу! Выяснить отношения с миром!
Я мирянин. Я твой, мое солнце! Я зелень земляная...
Эй, монах, выводи! Сторона меня кличет родная.
Там, за речкой Шелонью, меня ожидает, как сына,
молчаливая память, священная крепость—
Россия!

19

До свиданья, монах... Наши истины в корне отличны.
Не спастись—спасать!
Вот к чему человек привычны.
Быть за правду живым, а не тлеющим сонным
страдальцем.
Не бежать от войны—отрубать ей железные пальцы!
И работать. Пером! Ставить в книге зарубки да метки.
Где, монах, летописцы, которыми славились предки?
Пшени где?! Оглянись! Ведь какая снаружи эпоха...
...Улыбнулся монах сквозь меня—в направлении бога.
Ничего не сказал. А когда я шагнул за ворота,
тут меня за рубаху схватил напевающий кто-то!
Тянет за руку прочь... Оказалось,
ребенок, мальчонка...
Колокольчик курносый! И песенку цедит о чем-то.
«Что ты, мальчик?» А мальчик торопит: «Так надо!»
И бодают меня два луча его синего взгляда.

20

И увлек по дороге, по той, что направлена к цели...
...Святогорские камни! Как мудро, что вы уцелели.
Вас не чудо хранило, не строгие буквы запрета,
а всего лишь угасшее, брэнное тело поэта.
Святогорский утес. Мавзолей из листвы над могилой...
По ступеням иду. Каждый камень наполнен тут силой,
не гранитной—духовной. Рожденной в груди человека.
Светлый камень надгробья ласкает кленовая ветка...
«Проходите!»—раздался пронзительный голос—
не свыше,
а откуда-то сбоку, из храма, из каменной ниши.—
Здесь поэту грехи отпускали!—поведал мне голос
нестрогий.—
А грехов у поэта, особенно русского, много!
Посмотрел я на голос и вижу забавного дядю:
при пустом рукаве, с подкупающей синью во взгляде!

21

«Я хранитель сих мест. Вроде ангела,
только без крыльев.
Мы вчера Ганнибалам—их памяти—дом подарили!

Все, как было... Как встарь.
Только нет самого Ибрагима.
Даже в трубке хозяина—запах далекого дыма...
Все, как прежде! Особенно книги, их знаки...
Приглядись, и проявится Пушкин на древней бумаге!
Он когда-то ласкал эти буквы восторженным взором...
А хотите, пройдем до имения Пушкина бором?
Здесь любая тропинка (пусть время ее истоптало)—
след Его башмаков на себе, как любовь, испытала!
Вы торопитесь? Знаю. И сдерживать силой не смею.
Ваша цель благородна, и я перед нею немею.
Но возьмите!—и в руку сует мне осколок кирпичный.—
Отнесите, пожалуйста... Как бы от Пушкина... Лично».

22

Вот и Порхов родимый... И крепость
и sereneкий дождик.
Не играют фанфары. Литавры мой слух не тревожат.
Тышь да глушь на холме... Да сюда ли я так торопился?
Просыпайся, душа! Улыбайся.
Ведь праздник твой сбился!
Так стою, озираясь... И верю глазам и не верю.
Все усохло, уменьшилось... В цвете ином и размере.
В далеке босоногом все было как будто иначе...
Но ведь крепость стоит! И для Родины это удача.
Вспоминай, возвращайся...
По стенам, по каменным крошкам
детство бродит твое... Оглянись на него осторожно...
Не спугни. И душа оглянулась в моря временные...
Это здесь, на холме, я услышал войны позывные.
Прокатилось, как буря, над крышами страшное слово!
И упал городок...
Только крепость стояла кремнево!

23

...Здесь и прежде враги суетились, победы возжаждав.
Из Литвы привозили пузатую пушку однажды.
Сам пушкар, что ее отливал, зарядил эту прорву!
Вот рассеялся дым...
А пушкар-то на ключья разорван.
Нет ни пушки, ни мастера... Может, наврала расчеты?
Может, что-то еще не позволило?
Дивное что-то?
В общем, крепость осталась,
а враг зашуршал восвосяк.
...В сорок первом от бомбы сгорело тут все
в одночасье.
Захирело то место... Сковала проулки усталость.
Речка высохла с горя. Но Русская крепость
осталась!
И стоит до сих пор. Правда, чахлая стала, худая.
Сквозь ободранный купол церквушки
стрижи пролетают.
Но довольно нытья. Рассупонить рюкзак и—за дело!
Вот он, камень траненый... Мы будем чинить ее тело.

24

Нужно только начать! Первый камень поднять самолично.
...Вдруг я слышу—не голос,
а как бы чирикание птичьей.
«С добрым утром!»—и вижу девицу ученого вида.
Просишь глаз по лицу ручейком под очками разлита!
«Вы приезжий?»—спросила.
И гладит мой камень ладошкой.
Вы нездешний, конечно? А я—реставратор-художник.
Вы пришли. Это славно! Давненько я вас поджидаю.
Здесь вторую неделю на город дожди ниспадают.
Я возьму этот камень... И тот святогорский кирпичик.
Мы подлечим старушку. А главное, справим обычай.
Я промокла, протрите... Короче, мне двигаться надо.
Ах, ты горе! Забыла... насчет потаенного клада!
Вот бумажка. На ней имена... Мужиков бородатых.
Тех, которые здесь возвели эти стены когда-то».

25

Вскоре дождь прекратился... И я не заметил,
как полночь
подступила под стены... И вышел тут месяц на помощь:
осветил мне святыню! А там и последний подарок:
заиграли куранты... Двенадцать пробили ударов!
Где-то радио в доме дышало... Сказал я спасибо!
И вспомнил Москву...
Неусыпную Крепость России.
Колокольню Ивана, и стены, и вечные лица...
...Как-нибудь по весне я приеду в ночную столицу
и всю ночь пробуждаю у стен дорогих, как мальчишка,
по кольцу нашей веры—до зорьки,
до солнечной вспышки!
Ну, а Главная крепость... Она не из камня.
И прочих
беззащитней... И все же считается прочной.
И она охраняет дыхание жизненной сути
на земле нашей трудной и нежной...
И звать ее—ЛЮДИ.

Ш о историческим меркам до третьего тысячелетия рукой подать. Каким он будет, XXI век? Что принесет он с собой человечеству? Каким путем будет развиваться наука, ставшая в нашем обществе уже сейчас важнейшей производительной силой? Эти вопросы содержатся в письмах многих читателей «Смены». Некоторые сами же пытаются и ответить на них. Но наука развивается так стремительно, что порой даже фантасты отстают. Конечно, не просто заглянуть на четверть века вперед, и заглянуть не из простого любопытства, не из желания пофантазировать, а чтобы определить главные направления развития человеческой мысли. В дни празднования 250-летия Академии наук СССР ведущие ученые страны в ответах на вопросы специальной анкеты высказали свои предположения о развитии тех или иных научных направлений в еще во многом таинственном, но уже близком XXI веке. Публикуя некоторые из этих прогнозов, редакция «Смены» надеется, что они будут интересны нашим читателям, и прежде всего молодым ученым и нынешним студентам и школьникам, решившим посвятить свою жизнь науке.

ГЛУШКО
ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ,
академик:
«Невесомость,
глубокий вакуум
и солнечное
излучение создают
уникальные условия для
организации вне Земли
высокоэффективного
промышленного
производства».

...Мы не знаем, будет ли иметь конец «век радио» и «век электричества», но не сомневаемся в возможности такого качественного совершенствования радиосредств и электропромышленности путем создания новых физических принципов, которое, возможно, потребует нового названия нынешнего века.

Мы признаем открытие «атомного века», столь печально начавшегося в 1945 году. Глубоко проникающие во внутриядерные процессы должны привести к совершенствованию средств использования этой энергии, к получению «чистой» энергии, применение которой не будет грозить отравлением окружающей среды и поражением биосферы. Однако не исключено, что в дальнейшем овладение еще более глубокими тайнами ядерных частиц, поспешно называемых элементарными, откроет перед человечеством качественно новые источники энергии и «атомный век» уступит место новому веку.

Век кибернетики, генной инженерии. Мы торопимся, и не без оснований, открывать «века» в связи с рождением каждого нового основополагающего направления в развитии науки и техники. Но было бы неправильно объявлять наступление «космического века» или «космической эпохи» в связи с осуществлением нами в 1957 году прорыва в космос, понимая под веком или эпохой нечто проходящее. Нет космического века или эпохи, а есть космическая эра, имеющая лишь начало.

Начав освоение космоса автоматами (1957 г.), затем человеком (1961 г.), мы стали на путь непосредственного освоения сначала ближнего, а потом и дальнего космоса. Тем самым человечество вступило в новую фазу своего развития—овладения неисчерпаемыми ресурсами Вселенной. Создается принципиальная возможность не связывать существование человечества с ограниченными—пространственными, материальными, энергетическими и временными—ресурсами породившей нас планеты, а в дальнейшем и нашей солнечной системы. Таких грандиозных перспектив человечество еще не знало.

Невесомость, глубокий вакуум и солнечное излучение создают уникальные условия для организации вне Земли высокоэффективного промышленного производства.

М С ГРЯДУЩИМ

**КРЕПС
ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ,
академик:**
«Ведущими в мире станут,
я уверен, биологические
науки».

...В начале третьего тысячелетия, то есть через 30—40 лет, ведущими в мире станут, я уверен, биологические науки. Познание зарождения живого из неживого, уяснение работы мозга животных и человека, таких явлений, как память, эмоции, мышление, и на этой основе—овладение, управление ими. Познание сущности процесса малигнизации, то есть превращения нормальной ткани в опухолевую, и на основании такого знания—противодействие этому процессу.

Дальнейшее углубление понимания явлений наследственности и изменчивости. Биохимия, глубоко поняв строение и динамику макромолекул, механизм ферментного катализа, процессы мутагеназа, явления рецепции сигналов внешнего мира и других явлений, станет в ряд так называемых точных наук. И, что не менее важно, наука (и человечество) поймет, как опасно производить легкомысленные изменения лика Земли.

**САВИЦКИЙ
ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ,
член-корреспондент
АН СССР:**

«Есть предположение,
что сплавы металлов
типа «масло—вода»
по структуре будут
обладать уникальными
свойствами».

...Перспективно использование ядерных реакций для металлургических процессов. Сейчас многие высокоразвитые страны работают над проблемой создания атомных металлургических комбинатов. Принципиальную схему подобного комбината можно представить такой: в центре—двухсекционный ядерный реактор; одна секция вырабатывает электроэнергию, другая—нагревает водород, являющийся восстановителем в агрегатах для прямого получения железа. Для выплавки качественных сталей восстановленное железо поступает в электропечи.

Разумеется, все технологические процессы полностью автоматизированы, а управление ими осуществляется ЭВМ. Это позволит до минимума снизить количество обслуживающего персонала, оставив только операторов и ремонтников. А компоновка предприятий вокруг ядерного реактора дает возможность значительно сократить технологические и транспортные коммуникации.

Разумеется, это только схема, над практическим выполнением которой предстоит еще много потрудиться.

...В космосе будут получены сплавы, которые в условиях прямого влияния гравитации получить невозможно. Например, сплавы некоторых металлов, которые на Земле образуют несмешивающиеся системы типа «масло—вода». Есть предположение, что такие сплавы должны обладать уникальными техническими свойствами. Мы получим в космосе и разнообразные композитные материалы и полупроводниковые кристаллы, которые позволят создать совершенно новые приборы, машины и механизмы. Можно с уверенностью сказать: эра космической металлургии и технологии наступила.

**ТРАПЕЗНИКОВ
ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
академик:**
«В начале третьего
тысячелетия ведущими
будут науки биологические,
«информационные» и
связанные с изучением
Вселенной».

В течение миллиардов лет природа ставила неисчислимое количество экспериментов, направленных на совершенствование живых организмов. В результате она создала изумительные процессы преобразования вещества, энергии и информации. В связи со сложностью и совершенством живых объектов именно в биологии можно ожидать наибольшего числа открытий, важных не только с точки зрения неизвестного, но и с позиции их использования для практических нужд человека.

К «информационным» наукам относятся области знания, связанные с измерениями (сбор информации), решением проблем связи (передача информации), вычислительной техникой (переработка информации) и с наукой управления, объединяющей все эти области и обеспечивающей принятие оптимальных решений и целенаправленное воздействие на управляемый объект. Известно, что темпы роста объемов перерабатываемой информации в истории человечества неизбежно превосходят темпы роста объемов перерабатываемого вещества и энергии. Этот процесс уже привел к так называемому информационному взрыву, который будет продолжаться и впредь. Поэтому и удельный вес всех разделов науки и техники, связанных с процессами сбора, передачи и переработки информации, а также с системами управления, должен неуклонно увеличиваться. Большинство таких процессов будет механизировано, и дальнейшее облегчение труда человека в этой области пойдет в направлении все более полной передачи его функций автоматическим управляющим системам. В третьем тысячелетии наука управления при широком использовании математических методов и могучем развитии вычислительной техники охватит многие новые разделы знания. Наряду с управлением традиционными техническими и экономическими объектами она будет все теснее переплетаться с биологией, медициной, психологией, социологией, разными видами искусства, вовлекая в свою орбиту все больше явлений, обусловленных высшей нервной деятельностью человека, его творческими способностями, что неизмеримо усилит интеллектуальные возможности людей.

Строение Вселенной интересует человека с давних времен, поэтому «внеземные» науки должны все в большей мере притягивать к себе его творческую мысль, тем более, что изучение «внеземных» процессов облегчает решение многих «земных» проблем (космическая связь, разведка природных ресурсов, изучение климата и загрязнения среды с помощью космических систем и т. п.). Исследование объектов Вселенной поможет познанию микромира.

**ЦЕЛИКОВ
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,
академик:**

«Для металлургического
производства идеальным
был бы агрегат,
обеспечивающий
непрерывный процесс
от руды до проката».

...Сейчас о таком агрегате можно уже не только мечтать. Проведенные экспериментальные работы позволяют заключить, что непрерывный металлурги-

ческий процесс возможен. Если установить в заключительной части соответствующего промышленного агрегата машину для непрерывного литья, кристаллизатор которой будет непрерывно подавать сталь, и далее расположить прокатный стан для трансформирования бесконечного слитка в требуемый профиль, то непрерывный процесс «от жидкого чугуна до проката» становится реальным. А теперь остается только установить этот комплекс машин рядом с доменной печью, откуда почти непрерывно поступает чугун, чтобы и непрерывный процесс «от руды до проката» оказался в принципе возможным. Необходимо, однако, иметь в виду, что от научно-технических поисков до широкого практического применения подобного процесса может пройти 10—12 лет и более.

**ЭНГЕЛЬГАРД
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ,
академик:** «Надо ожидать
концентрирования
интересов
вокруг двух полюсов.
Один из них—
астрофизика,
нацеленная на познание
законов и судеб
Вселенной, ее эволюции...
Другим полюсом станет
наука о мире живого».

...Астрофизика, нацеленная на познание законов и судеб Вселенной, ее эволюции. Тут все будет строиться на основе информации, приносимой к нам радиоволнами. Путь развития науки здесь ясен: расширение диапазона длин волн, несущих информацию, углубление ее анализа, расшифровки и интерпретации.

Другим полюсом станет наука о мире живого. Здесь усилятся будут сосредоточены на крайних уровнях, характеризующихся комплементарными, взаимно дополняющими подходами в поисковых исследованиях. Так, несомненно, будет и дальше развиваться молекулярная биология с заложенным в ее основе предельным упрощением познаваемых объектов, где одной из конечных целей станет познание природы самого явления жизни как новой категории, возникшей в процессе мироздания. На этом пути должны открыться возможности для многообразных форм управления жизненными процессами, использования простейших организмов в промышленных целях и т. п. Противоположный уровень будет представлен изучением высших проявлений жизни—сознания, разума, мышления, речи, памяти, собственных человека и составляющих сферу максимальной усложненности и совершенства, достигнутых природой в процессе эволюции Вселенной. Предсказывать конкретные формы, в которые выльется эта стержневая линия науки, сейчас нереально.

Казалось бы естественно упомянуть здесь и экологию, столь интенсивно ныне стимулируемую. Но, чтобы встать в категорию ведущих наук, она должна претерпеть глубокое преобразование: из предупреждающей стать созидательной. Нынешний ее аспект сводится к сохранению равновесий, существующих в природе, к предупреждению их нарушения в результате безрассудных действий человека, то есть экология вырождается в защитницу того, что разрушается самим человеком. Важность такой защиты очевидна: она включает как главное звено борьбу с угрозами загрязнения среды во всех видах. Но все это цели творчески маломасштабные. Новое качество экология приобретет тогда, когда ее целью станет не сохранение существующих в природе равновесий, а смелый поиск новых форм и условий баланса, преодоление взаимоотношений, сложившихся стихийно на протяжении геологических периодов. Это будет переходом к, так сказать, «антропогенной эволюции», подчиненной творческому разуму человека и имеющей ясные цели: обеспечение всестороннего соответствия окружающей среды интересам и нуждам людей с учетом всего комплекса их потребностей—материальных, культурных, эстетических.

Материал подготовил
Валериан ТАРХАНОВСКИЙ.

Вехи нашей истории

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

С бывшим начальником
Центрального штаба партизанского движения
при ставке Верховного Главнокомандования
Пантелеймоном Кондратьевичем ПОНОМАРЕНКО
беседует специальный корреспондент «Смены»
Леонид ПЛЕШАКОВ.

«...Сердце переполняется великой гордостью за бессмертные подвиги, совершенные мужественным советским народом в годовщину Отечественной войны... Не только судьба нашего народа, будущее нашей Отчизны, но судьба десятков стран и сотен миллионов людей в разных государствах — вот что было тогда поставлено на карту. И никому не дано, никому не будет дано забыть то, что самим своим существованием, своей свободой люди нашего времени в огромной мере обязаны героическому советскому народу, Советскому государству, великому социалистическому строю».

Л. И. БРЕЖНЕВ

Лес подходит к самому дому. Несколько высоких сосен, потянув яблони, сумели уцепиться даже в саду, конец которого срывается в глуховатый овраг с зарослями черемухи и ольхи. А дальше темной стеной лес. Хозяин дома говорит, что отсюда его массивы, постепенно разрастаясь, сливаясь, идут на запад от Москвы — в Брянскую, Смоленскую, Калининскую области, в Белоруссию, украинское Полесье, где тридцать с лишним лет назад в тылу врага жил и сражался партизанский край.

Мне понятны его ассоциации.

Пытаюсь представить это раскинувшееся на тысячах квадратных километров сплошное зеленое море, но нарочно не оставляю в нем места ни полям, ни городам и поселкам — только угрюмый лес войны. Но даже мысленно представить это очень трудно. Из Москвы я ехал сюда сначала на электричке, а дальше, от станции Внуково, минут двадцать шел пешком по типичному дачному Подмосквовью. По асфальту катят разноцветные «Жигули», прижимая к обочине мальчишек с велосипедами. Над головой — нацелившиеся на бетонные полосы аэродрома или уходящие в дальний рейс самолеты. Как тут перенестись во времена, когда по дорогам шли другие машины, а в небе гудели совсем иные самолеты и лес был полем боя, защитой и домом людей, что ушли в его глубины продолжать борьбу с оккупантами?

А в кабинете, где мы сидим, книги — стеллаж во всю стену — только о войне. И на письменном столе — рукопись о ней же. Война не отпускает и через столько лет?

— Конечно, война не забудется никогда, — говорит Пантелеймон Кондратьевич. — С годами только еще больше постигаешь масштабы и значение Победы, одержанной нашим народом. И понимаешь свою обязанность рассказать о событиях, свидетелем которых был, о людях, с кем пришлось работать во время войны, о тех, кто сражался в тылу врага. Тем более, что о некоторых фактах в силу их специфики в то время было известно не многим. Другие же факты, хотя о них знали и раньше, теперь, спустя три десятилетия, дополнились новыми сведениями. Читая военные воспоминания, я иной раз нахожу рассказы о событиях, к которым сам имел непосредственное отношение. И вот что любопытно: свидетельство другого участника войны показывает факт с такой стороны, о которой раньше не знал или просто не задумывался...

— И, наверное, больше всего вас интересуют свидетельства о войне, которую вели в тылу врага партизаны?

— Это естественно. Когда в мае 1942 был создан Центральный штаб партизанского движения, меня назначили его начальником. Я оставался на этом посту

О. ПОНОМАРЕНКО. «ПОБЕДА».

СТВЕННАЯ

вплоть до расформирования штаба в 1944 году. Но организацией сопротивления в тылу врага мне довелось заниматься и раньше. Война застала меня на посту первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии. Наша республика подверглась нападению гитлеровцев в первый день войны. На плечи ЦК компартии республики легла тяжелая задача — нужно было эвакуировать, не отдав врагу все ценное, чем располагала Белоруссия: промышленное оборудование, сельскохозяйственную технику, транспорт, хлеб, скот. Нужно было отправить на восток эшелоны с людьми. И вместе с тем мы организовывали подполье и партизанское движение для борьбы в тылу оккупантов.

29 июня 1941 года ЦК партии и Совет Народных Комиссаров СССР направили партийным и советским организациям районов, которым угрожало вторжение противника, директиву, в которой наряду с общими задачами советского народа в войне содержалась конкретная программа по развертыванию партизанского движения. 18 июля 1941 года ЦК партии принял специальное постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». В этих документах давались указания о подготовке партийного подполья, организации, комплектовании и вооружении партизанских отрядов. Высокий патриотизм советских людей облегчал выполнение поставленных задач. Часто, не ожидая указаний «сверху», будущие мстители уходили в леса при подходе гитлеровских войск. Инициативу создания отрядов брали на себя местные партийные, советские, комсомольские работники, директора МТС и совхозов, председатели колхозов, школьные учителя. Для западных районов первый день войны стал днем рождения партизанских отрядов. К августу 1941 года только в белорусских лесах действовал 121 партизанский отряд, объединявший 12 тысяч бойцов.

А осенью на оккупированной советской территории развернули работу десять подпольных обкомов, свыше 260 окружкомов, горкомов, райкомов и других партийных и советских органов.

— А когда начались боевые действия партизан? Известно, например, какой из отрядов первым нанес удар по врагу?

— С абсолютной точностью ответить на этот вопрос нельзя: ведь в тылу врага, кроме партизан, бои с захватчиками вели подразделения Красной Армии, пограничники, оказавшиеся отрезанными от основных наших сил и пробивавшиеся к своим. Кто из них первым дал бой фашистам, кто организовал засаду на дороге, напал на колонну вражеских автомашин — сейчас установить невозможно. Тем более, что в те времена сведения до нас доходили с большим трудом, иногда окольными путями, а партизанские группы нередко в первых же боях несли большие потери, погибали целиком. О подвигах некоторых героев мы, возможно, так никогда и не узнаем.

Но что можно с уверенностью утверждать — боевые действия мстителей начинались сразу же при подходе вражеских войск. Подтверждает это такой факт: на седьмой-восьмой день войны в излучине Западной Двины партизаны напали на штаб 121-й немецкой пехотной дивизии, уничтожив его вместе с командиром генералом Ланцелем. Мы узнали об этом в июле сорок первого из сообщения телеграфного агентства Швеции. А подтверждение я получил только после войны из трофейных документов.

— В мемуарах о войне, изданных за рубежом, часто утверждается, что партизанское движение в тылу гитлеровских оккупантов организовывалось «сверху» и в нем принимали участие только советские активисты...

— Мне это хорошо знакомо. Но факты легко опровергают подобные утверждения.

В свое время был проведен анализ социального состава партизанского движения. Он полностью совпал со структу-

рой советского общества: рабочие, колхозники, служащие были представлены в нем в том же соотношении, как и в самом населении. Примерно десять процентов партизан были бывшие военнослужащие — те, кто в первые дни оказался в окружении, среди них тысячи офицеров. Этот кадровый военный костяк сыграл большую роль в партизанском движении. Он нес с собой дисциплину, знания военного дела, тактики боя, умение подготавливать операции, налаживать охранение, разведку, сбор информации. Большинство этих военных стало командирами и комиссарами отрядов и соединений, семьдесят процентов начальников партизанских штабов было из числа офицеров. Так что позже, когда партизанское движение обрело свой Центральный штаб, нам не нужно было посылать в тыл врага для организации боевых отрядов кадровые военные: их хватало и так. Офицеры из «Центра» направлялись лишь с особыми поручениями, при подготовке специальных операций.

Закончу свою мысль еще несколькими цифрами. Восемьдесят восемь процентов белорусских партизан были местными жителями. Более половины — моложе двадцати пяти лет. Девять процентов партизан были коммунистами, четвертая часть — комсомольцами. Каждый шестым бойцом отряда была женщина или девушка. Я называю данные по Белоруссии. Но аналогичное положение было и в других временно оккупированных республиках.

— За четыре года война прошла различные этапы. Не могли бы вы, Пантелеймон Кондратьевич, рассказать, как за это время менялся характер партизанского движения, методы борьбы в тылу врага? Почему, например, Центральный штаб был создан в мае 1942 года, а не в самом начале войны?

— Попытка создать подобный орган предпринималась еще в конце 1941 года. Но тогда же стало ясно, что эта мера преждевременна. Партизанское движение только набирало силу, разрозненные отряды не имели еще надежной и быстрой связи с «Большой Землей». Не было достаточного опыта ведения войны в тылу врага, да, честно говоря, в то время не хватало и сил из Москвы заниматься организацией широкого партизанского движения. Главная задача — отражать натиск противника — поглощала все усилия командования Красной Армии. Так что на первом этапе войны партизанское движение, если можно так выразиться, развивалось в значительной степени автономно, под руководством местных партийных и советских органов.

Однако руководители партии, правительства, Наркомата обороны понимали значение боевых действий в тылу врага. Уже начальный период войны показал, сколь эффективными могут быть удары партизан.

Например, в одну из ночей декабря 1941 года отряд подмосковных партизан под командованием Карасева и Курбатова совершил налет на расквартировавшийся в поселке Угодский Завод штаб 12-го армейского корпуса гитлеровцев. Удар трехсот партизан был столь неожиданным, что об их нападении штаб корпуса не успел даже сообщить командованию армии. Операция была проведена в разгар немецкого наступления на Москву и, кроме чисто военного результата, имела большое психологическое воздействие на вражеских солдат, которые не могли чувствовать себя спокойно даже в относительном тылу своих войск, вдали от передовой. И таких операций было немало.

Успешные боевые действия партизан обеспечивались специфическими особенностями войны, которую они вели: бойцами отрядов в основном были местные жители, которые отлично ориентировались в обстановке, знали жителей и сами были знакомы всем, а потому не вызывали подозрений.

Представьте, только среди белорусских партизан было двадцать семь ты-

сяч постоянных разведчиков, в основном женщины, которые работали в немецких штабах, оккупационных учреждениях, госпиталях, на транспорте. Они поставляли ценнейшую информацию. Двадцать четыре тысячи связных осуществляли связь между отрядами и нашими людьми в городах и селах. Все они были местными жителями.

Кроме боев, которые вели партизаны с оккупантами, и сбора развединформации на занятой врагом территории, партизаны устраивали диверсии на транспорте и промышленных предприятиях, организовывали саботаж, вели агитацию среди населения. Справиться с этими задачами лучше всего могли опять-таки местные жители.

Так что сложившаяся к тому времени форма партизанской войны оказалась довольно эффективной. Создание Центрального штаба закрепляло ее и в то же время знаменовало ее качественно новым этапом. На всей оккупированной территории страны действовали республиканские и областные партизанские штабы, которые подчинялись Центральному. Партизанское движение на Украине имело свой штаб, который работал в тесном контакте с Центральным. Кроме того, партизанские формирования поддерживали связь с командованием фронтов, в секторе которых они действовали. Все это позволяло объединять некогда разрозненные действия, увязывать их с операциями действующей армии.

К тому же в тылу врага, кроме местных партизанских отрядов и подполья, сражались многочисленные разведывательные, диверсионные группы, отряды спецназначения Наркомата обороны, органов госбезопасности, фронтовых и армейских разведок. Понятно, что создание в Москве партизанского Центрального штаба способствовало объединению действий различных групп и отрядов при выполнении особых заданий.

К весне 1942 года партизанское движение набралось опыта, который необходимо было распространять, а «Большая Земля» уже имела возможность помочь отрядам оружием, медикаментами, средствами связи.

Так, летом 1942 года около тридцати процентов партизанских отрядов, состоявших на учете республиканских и областных штабов, имели радиосвязь с «Большой Землей». К ноябрю 1943 года такую связь имело уже почти 94 процента отрядов. На партизан работали самолеты авиации дальнего действия и гражданское воздушное флот. Так что в случае необходимости Москва могла перебросить по «воздушному мосту» и оружие и медикаменты, вывезти из лесов раненых.

Но главное, конечно, то, что объединение партизанского движения, налаженная связь с отрядами позволяли проводить совместные операции. Отличный пример тому «рельсовая война».

— Не могли бы вы рассказать о ней более подробно? Почему возникла необходимость именно в этой форме борьбы на железнодорожном транспорте? Тем более что и раньше немецкие эшелоны летели под откос, взрываясь на партизанских минах?

— Значение транспорта для снабжения воюющих армий общеизвестно. Немецкий генерал Грибель на этот счет выразился довольно образно: «Там, где перестают ходить поезда, война кончается сама собой».

Наши партизаны добились, что гитлеровцы не могли планировать проведение операций, так как один из главных факторов планирования — время — был выбит из рук вражеских штабов. Известно, что в первый период войны немецкое командование часто достигало успеха на фронте за счет быстрой переброски войск с одного участка на другой, что создавало значительный перевес сил на направлениях главного удара. Но с ростом партизанского движения этот «козырь» стал давать сбои. Об этом пишут многие. И не удивительно,

что в дальнейшем перед проведением какой-то большой стратегической операции фашистское командование сначала старалось уничтожить или блокировать партизанские отряды, действовавшие в их «фронтовом тылу».

Так было в мае 1943 года, незадолго до начала операции «Цитадель», которую гитлеровцы намеревались осуществить на Курской дуге. Тогда против тридцати пяти тысяч брянских партизан были брошены одиннадцать дивизий с танками, артиллерией, авиацией. Эта карательная операция с кодовым названием «Цыганский барон» длилась целый месяц, но успеха не принесла. Немцы сумели потеснить партизан, но не уничтожили, при этом сами потеряли целиком одну дивизию, а остальные вывели из боев в ослабленном состоянии. Я помню, как в то время каждую ночь Москва отправляла в брянские леса до сорока самолетов с оружием.

Но вернемся к «рельсовой войне».

Еще в 1942 году к нам пришло сообщение, что в районе Витебска партизаны рвут рельсы на железных дорогах. Причем одна ночь их работы на несколько дней прерывает движение. Это было что-то новое. Мы привыкли, что партизаны пускали под откос военные эшелоны врага. А тут удар наносился не по какому-то составу, пусть даже очень ценному, а по всей дороге, он останавливал, дезорганизовывал все движение на участке. Я поделился этими данными с начальником штаба истребительных отрядов Журавлевым и начальником одной нашей школы — Никулочкиным. Вместе стали думать, как придать единичным операциям масштабность. Дело в том, что, согласно довоенным саперным наставлениям, чтобы перебить рельс, требовалось 400 граммов тола. Таким образом, для проведения крупной операции необходимо было такое количество взрывчатки, какое забросить партизанам мы не могли. И тогда по нашему заданию конструкторы разработали толловую шашку яйцеобразной формы, которая весила всего 70 граммов, но тем не менее перебивала рельс. Мы опробовали ее на железнодорожных полигонах под Москвой, где раньше испытывали рельсы. Результат был блестящий.

Через несколько дней, будучи на приеме у И. В. Сталина, я высказал ему наши предложения, суть которых сводилась к следующему: сейчас, уходя на операцию, партизаны зачастую по несколько раз пересекают железнодорожное полотно, не нарушая его: охотятся только за эшелонами. В то же время взорвать путь — значит остановить движение. А если взорвать его в тысячах пунктов — количество перерастет в качество: на долгое время транспорт окажется парализованным. Я даже показал верховному захваченную с собой шашку. Он промолчал. И только за ужином сказал:

— Я все время думаю над вашим предложением. Пожалуй, стоящая штука.

Срочно стали готовить новые толловые шашки, перебрасывать их партизанам. Операцию решено было провести в ночь на третье августа, на исходе месяца ожесточенных боев на Курской дуге. На этот раз мы не доверили свою тайну радиосвязи. Приказ партизанам повезли на самолетах специальные курьеры. Тридцать связных дал Центральный Комитет ВЛКСМ.

И вот в назначенную ночь на полотно вошли сразу десятки тысяч бойцов. Одновременно взлетело в воздух 48 тысяч рельсов.

На другой день И. В. Сталин спросил у меня о результате операции.

— Еще нет сведений, — отвечаю. — Пока партизаны вернутся на базы, пока выйдут на связь — пройдет дня два. Тогда я вам сообщу.

— Кажется, что у вас дело получилось. Есть косвенное подтверждение.

Оказывается, в тот день Геббельс, выступая на пресс-конференции, сказал: «Этой ночью на востоке началось

ФЕДОР СТУКАЛЕНКОВ В ДАЧЕ "СТАРИК" И НА ЗВЕРИНСКОЙ УЛИЦЕ

ИЗ ЦИКЛА «СКОБСКИЕ РАССКАЗЫ»

«Типичный человек в нетипичных обстоятельствах».

Из критической статьи

1. Раз первый

Федор Матвеевич Стукаленков был в конце десятых годов лесником в даче «Старик» Медведовского лесничества в Псковской губернии. Я в то же самое время служил в этом лесничестве помощником (тогда это именовалось — «товарищем») лесничего.

В моем подчинении числилось немало лесных объездчиков и лесников, но из всех последних я выделял Федора. Он был настоящее «то, да не то».

Чтобы отличить его от всех прочих, довольно было хоть однажды зайти с ним в самую гущару смешанного леса и, остановившись на ходу, на миг закрыть глаза. Впрочем, иногда не требовалось и зажимиваться — это когда самому Федору приходила в голову такая мысль. Тогда случалось так. Вот он идет легко и бесшумно перед вами между папоротников и кустов крушины, и — фу! — его словно легким лесным ветерком унесло. Куда? Неизвестно! Средних лет складный мужичок исчезал беззвучно и бесследно, как тополёвая пушинка или как рыженькая ласка, перебежавшая дорогу.

Вы могли простоять, как собака на стойке, пять, десять минут, глядя в глаза и вслушиваясь. Абсолютная тишина. Ни один кленовый листок не дрогнет. Ни один стебель «вороньего глаза» с сине-черной ягодой в самом центре изящной розетки зеленых листьев не выпрямится после грубого человеческого прикосновения. Чижики и крапивнички, как и до этого, пошвыстывая, перепархивали по веткам и перебегали по земле от кучи хвороста к другой куче. Федор Стукаленков исчезал и не появлялся, пока ему самому это не оказывалось желательным. И тогда он вдруг вновь возникал перед вами.

Мы шли так по лесу с ним и с Адольфом Иоостом, латышом или эстонцем, начальником Улесотдела... Федор шел первым и что-то еще говорил. И на полуслове его не стало. Иоост был из 5-й армии: человек не склонный ни теряться, ни пугаться. Но у него отпала челюсть, и он широко открытыми глазами уставился на меня.

— Так... товарищ Успенский?... А что теперь телать нато? Как теперь томбй поьем?

В тот раз Стукаленков (он никогда не фокусничал зря; он пропадал, когда это становилось нужным — ему и в голову не приходило, что такое исчезновение может кого-нибудь смутить) отсутствовал недолго. Он вдруг выступил перед нами на фоне густой, как ершик для мытья бутылей, елушки, шагах в двадцати впереди нас. Он ниоткуда не вышел. Он просто возник там, стоя на стеге и стругая ножом ореховый посошок, который он, как оказалось, как раз и «сходил, вырезал» из лично ему знакомого куста лещины, росшего «маленько полявей», ддя самого Адольфа Петровича.

«Хорошо, — подумал я тогда, — что появился ты перед нами, а не позади нас!» В «дачах» тогда пошались «зеленые», а Иоост по краскомовской привычке никуда в том году не выходил без нагана.

...Я и в конце десятых не был «горожанином в лесу». Меня удивить «следопытством» было не так уж просто. Я сам мог по самым глухим «дачах» без всяких насечек и «конюса» выходить именно к намеченной березе, к которой обещал вас вывести. Я умел идти по лесу почти бесшумно, не вспугивая на версту кругом всякое зверье и птичьё, ползучее, прыгучее и летучее. Мне случалось в 19-м году приводить желающих горожан на ту самую барсучью нору в песчаном овражке или на тот самый чистый, «что слязина», малый ключик, бивший из-под основного корня внизу крутого холма и спешивший — тут же, в сотне шагов — в какую-нибудь Смердель или Стругу-Гридицу, — какие я год назад им уже однажды показывал.

Но все это смешно было даже и сравнивать с божьим даром Федора Стукаленкова. Он был человеком и для меня удивительным, непостижимым. В те времена никто еще слыхом не слышал про гольда Дёрсу: поэтому я иногда мысленно сравнивал Федора с повзрослевшим Маугли, когда он уже поступил на службу к Стрикленд-санбу...

Нет, разумеется, по виду он ничем не походил на сына женщины по имени Мёсеуа, нагого и прекрасного, как юный Кришна, с цветком гибиска в смольно-черных волосах. Федор Стукаленков был выше среднего роста, типичным псковитянином, не слишком широким, но и не узким в плечах, очень

пропорционально сложенным, но и только. Глядя на него, не вспоминались ни Гераклес, ни Василий Буслаёнок...

Но как-то раз и на дальней лесной дороге нагнал молодуюшку, везущую с глухой поляны хороший воз не совсем досушенного (дома на солнце — часа за три дойдет!) сена.

«Мужик, слышишь, косит, а я — отвожу!»

Нет, ничего, конечно, в лесу не «раздавалось».

Дорога была обычная, лесная: с сырыми местами, где колеса уходили по ступицу в жирный, черный, как ночь, лиственный чернозем. И вот на одном из таких сырых мест воз, кучи на три недосушенного сена, то есть пудов на двадцать шесть весом, на каком-то глубинном корне или камне вдруг соскочил вместе с железным шкворнем с передков и осел, высоко подняв свой бронтозаврий мягкий зад, на влажные колени дороги. А передок выкатился вперед.

Молодушка, не заметив случившегося, продолжала — вожжи в руках, — мирно напевая, шествовать походкой чинной за получившим внезапное облегчение конем, но потом, почуввав беду, обернулась, бросила вожжи наземь и взвизвала самым жалобным бабьим воем. Меня она за возом не видела, а я остерегался без предупреждений появляться перед нею, да, по правде сказать, я не очень представлял себе, что тут можно сделать. Лес глухой, дело после полдн. Воз — его даже рукой не пошатнешь. До деревни верст пять; до покоса, где «мужик, слышишь, косит», — пять «с хаком»...

Но... Я не успел даже шага ступить, как вдруг из придорожного олепья — «Ой, да ну тебя, Хедь, ну саусем спужал меня!» — неторопливо вышел на дорогу Федор Матвеев Стукаленков с двустволкой за плечом, с топоренком за поясом. Он первым делом подхватил влочившиеся по земле вожжи, потом — «А чего меня пугаться? Нявош я такой страшной?» — разнуздal коня, свернул вожжи в аккуратную такую «бухточку», повесил ее на ближайший березовый сук и, улыбаясь милой своей, спокойной улыбкой, передал конскую узду в руку тотчас осушившей слезы молодуюшки. Конечно, она меня не заметила, хотя я с полверсты шел след в след за ней. И, само собой, он увидел меня задолго до того, как я мог приметить его присутствие рядом, в зарослях.

— Ты, Фень, слышь, ничаво... Ты подгони кобыленку хвостом к возу! Во-во, прямо по колюе! А вы, товарищ начальник, — здравствуйте к вам! (это относилось ко мне, и Феня Заверьянова открыла глаза «что твое нетель», внезапно обнаружив вокруг себя такое многолюдство) — что, коль я вас попрошу? Погляньте, как шкворень будет в тюшку в свою идти... Ну коль чего не так, — чуть-чуть пособите... Ай-то мне крикнете...

Я не успел опомниться, как Федор Стукаленков сперва «преклонил перед возом колена» — там, у его высоких задних колес, потом «нырнул, што горностай» под сидевший передней частью не «на дороге», а «в дороге» воз, стал в этом тесном пространстве на четвереньки, и вот воз на его худом мужицком хребте стал медленно, как на спине господина Фошлевана (он же Жан Вальжан), у В. Гюго, как бы нехотя и сопротивляясь, приподниматься на дыбы.

Феня Заверьянова слабо пискнула и, торопясь, стала осаживать свою кобылку, мастью похожую на не успешный еще сплошь покоричневеть конский каштан. Я шагнул в узкое пространство между конским задом и влажной пахучей травой (теперь, пожалуй, ее можно было бы назвать «сенажом»), чтобы пособить железному штырю, толщиной побольше полвершка, попасть как раз в предназначенное для него, обожженное постоянным трением отверстие...

Железо, чмокнув, вырвалось из грязи, передняя подушка дрог нависла над передком... Еще, еще! «Давай, баб, давай!» «Хорошо, Федор, есть!» Шкворень ушел в гнездо, подушка тяжело налегла на натертое дерево, и Федор как ни в чем не бывало явился из-под воза, обтирая черные ладони о такие же измазанные домотканые портки.

...Подите попробуйте посадить так на место сорвавшийся с переднего ската воз не такого «сенажа», а пересушого-сухого, медом пахнущего сена, которого в свое время на сениные скопские дроги увивалось кучи три, пудов восемнадцать, «скольки овцы на зиму хватае», — вы увидите: для этого надо быть отнюдь не слабаком. А тут был воз в двадцать пять пудов; четыреста семь килограммов, не знаю вот только, как это определить: «в рывке» или в «жиме»?..

Красавцем Федор Стукаленков не был, думается, и в ранней юности, хотя никакая «барышня» не имела бы оснований ни за что-либо «погрёбовать»; «милое лицо, посередеке — нос!», так у нас тогда говаривали. К тридцати двум или тридцати пяти годам, когда я его впервые встретил, он, особенно зимой в заячьей (из зайца-русака) теплой, «своим рукам добытой, своим рукам выделанной», ими же и сшитой ушастой шапке, да и летней порой в солдатской защитной «хуражке» с переломанным пополам, не знаю уж из какой тогдашней «пластмас-

сы» выданным, солдатским военного времени зеленоватым козырьком, выглядел «обыкновенным мужучком-скобарьком», «зймелей», которого даже Павел Королев, предкомбед, и тот бы не зачислил ни в кулаки, ни в подкулачники, а, махнув «здаля» рукой, признал бы за «охотника». С охотника же взятки гладки!

И все-таки несколько раз мне приходилось внезапно с удивлением всматриваться в моего лучшего следопыта. Вдруг на короткие мгновения, на минуты самое большее, лицо его менялось примерно так, как меняется старый, закопченный, пожухлый портрет, когда над ним закончит работу и отойдет прочь превосходный реставратор: что-то наносное, что-то случайное и постороннее внезапно исчезает, и перед вами проступает человек, каким написал его большой художник.

Один раз, в первый раз — в самом центре дачи, там, где на отлогом холме поднимался остров кондового — ствол к стволу, мачта к мачте — красного бора, — идучи по привольно выходящей у подножия холма, даже не то что тропке, а так, «по слядку», Федор настолько резко остановился, что я едва не налетел на него сзади (я бы и налетел, если бы он, «затормозив», одновременно не ступил полшага в сторону: это было у него безусловным рефлексом — не сделай так, и идущий сзади может, наткнувшись на переднего, и сам упасть и того «урунить»... Произойдет какой-никакой «глум», суматоха: а разве это допустимо «в лесу»?)

Федор остановился как вкопанный и, наклонив голову к правому плечу, прислушался. Нет, я не пытался поступить так же. Ну, что я мог услышать? То же, что и всякий: цокочет чем-то встревоженная белка высоко на ближней сосне. Тихонько, вполголоса разговаривает легкий ветерок еще выше, в самых маковках. Но у Стукаленкова была способность — я в этом уверен — воспринимать и ультра- и инфразвуки, в каком-то их (или его!) диапазоне... Он слышал то, чего другие люди не слышали и услышать не могли. Он сделал второй осторожный полушажок прочь с тропы, вправо, к густому кусту иван-чая, невеста как обосновавшемуся в этой слишком дремучей для него гушаре, пристроившись к крошечному, но всегда освещенному солнцем «зеркальцу» света. Еще шаг, еще... Нагнулся, всмотрелся в упругую чашу стеблей кипрея, потом, наклонившись, протянул туда руку...

— Ишь, дурачок какой, — глухо и ласково пробормотал он, что-то делая в зеленой полутьме у самых корней иван-чая. — И как это тебя сюда занесло? Ишь, как обкрутился, што паука какой... В конёвий волос запутлялся! Это ж надо ж, чтоб такое дело вышло. Ну ничего: благо голос во время поддал!

Он, выпрямляясь, обернулся ко мне и протянул руку. На большой ладони его лежал уже хорошо обросший рыжей шерсткой бельчонок, по-взрослому пушистохвостый, но самым беспомощным образом опутавший себя длинным волосом, который, наверное, та лесная птичка, какую в наших местах так и зовут «волосинкой» за ее аккуратные гнезда, всегда с геометрической точностью высланные внутри плотной спиралью из конского волоса, несла к месту своей постройки, уронила и превратила в повисший на иван-чае силок. Трудно, конечно, сказать, как мог попасть в этот силок полувзрослый бельчонок: в лесу ежедневно разыгрывается неисчислимое множество таких безмолвных и безнадежных драм. Ясно одно: не услышь сверхчуткое ухо Федора Стукаленкова уже почти неслышимый писк в кусте кипрея, песенка крошечного существа была бы спета. Он так закатался в длинный вороний волос, что никакой возможности перекусить его у него не оставалось. Белка-мать? Ну, что белка-мать? Она же не человек, как было ей сообразить, что за беда случилась с ее крошечкой. И что тут можно ей было сделать? Сидит высоко на ветке, цокает в полном отчаянии, то спустится, то вззовется в самую крону...

А теперь бельчонок, часто дыша, слабо дергался, думая, что вот и пришла к нему самая страшная бородатая сероглазая смерть. Но смерть говорила негромким и нестрашным голосом, и понемногу ужас стал уходить из бельчонка. Конечно, он ничего не понял, но почувствовал, что ему становится все лучше и лучше.

Очень осторожно — странно было видеть, как легко и умело двигались над рыженькой шкуркой совсем не нежные, заскоруждые руки с прикопченными махоркой пальцами, — очень осторожно и неторопливо лесник распутывал страшный силок. И вот, наконец, маленькое существо не то чтобы встrepенулось — какое там встrepенулось, пролежав в траве, туго связанным, неведомо сколько времени! — нет, бельчонок чуть пошевелился, потихонечку перекатился со спинки на бочок, потом на брюшко, полежал так, дыша все глубже и свободнее, и, с трудом подгребая под себя стукаленковскую ладонь короткими передними лапками, сел наконец, сел неуверенно, но уже так, как садятся все белки, жиденький хвостик кверху — над кисточками еле заметных ушей. Он сел и — я не услышал этого, но Стукаленков услышал и усмехнулся: «Ишь! Оклечетался?.. Матку зовешь?» — спросил он у бельчонка. Не знаю, ответил ли ему что-нибудь бельчонок, но, может быть, и ответил. Потому что Федор Стукаленков вдруг высоко — как мог — поднял руку с еле живым зверьком над своей головой. — И можете не верить мне, если не хотите, это ваше дело! — старая белка внезапно, легко, головой вниз, как это свойственно только их племени, избежала по красному сосновому стволу до ветки, засохшей метрах в пятнадцати над землей, перемахнула с ее конца на лапу елки, тянувшейся тут же вверх, к свету, промчалась по ней, прыгнула на другую, уже совсем близкую к неподвижно стоявшему (бельчонок над головой) Федору, на секунду задержалась, наверное, в неистовой смене надежды и страха, задержала своим пыльным, как страусовое перо, хвостом и — раз! — перелетела на человеческую руку. Несколько мгновений две белки, большая и совсем маленькая, сидели, обнюхиваясь, рядом на лесниковой ладони. Потом мама осторожно схватила своего ребенка — горе ты мое! — за шкуру, пробежала с ним в зубах до Федорового плеча — оттуда ближе до еловых лапок! — прыгнула на сине-зеленую нижнюю веточку-стрелку...

Но я уже не смотрел на нее. Я стоял и глаз не мог отвести от Федора Стукаленкова. Запрокинув голову, он вглядывался в древесную крону над нами, и простодушное, «скопское» лицо его светилось такой никогда до того мною не виданной добротой и ясностью, что каждый, ни на миг не задумавшись, сказал бы, глядя на него: «Ах, какой красивый, какой прекрасный человек!»

Много лет я раздумывал потом, где видел я такое лицо, такой мужской, весь источающий свет лик... Не то у Нестерова в его эскизах к Сергию Радонежскому, не то... Вот это и был «раз первый»...

2. Два посещения

Когда я еще не знал его, мне другие лесники рассказывали про Федю Стукаленкова разное. Рисовали его каким-то необыкновенным бирюком, молчаливым, нелюдимом. Были такие, которые просто махали рукой при упоминании о Стукаленкове. Были другие: они выдумывали разные фантастиче-

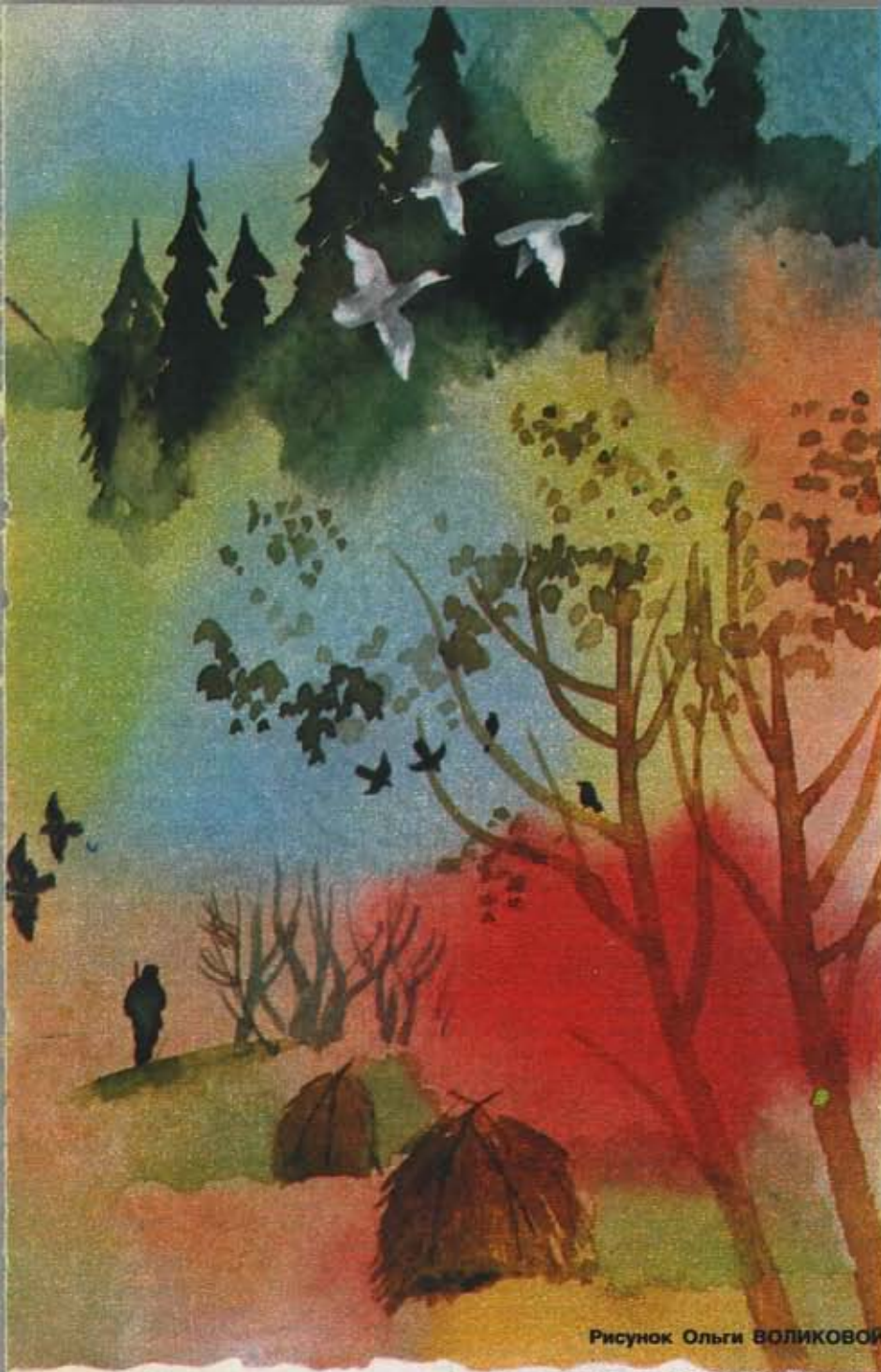

Рисунок Ольги ВОЛИКОВОЙ

ские объяснения, вроде что его «мачеха секунду смертным боем была». Многие не говорили ничего, только злобще предупреждали: «Вот ужко придется у него заночевать, сами увидите!»

Наконец, находились и такие, которые, когда речь заходила о нем, просто отплевывались и украдкой крестились, тем самым показывая, что Федор Матвеев Стукаленков из деревни Нижнее Боково если не продал душу черту, то, во всяком случае, так или иначе связан с этим последним.

Мне долго не приходилось заезжать в дальнюю дачу «Старик», а когда пришлось, то случилась довольно хитроумная история.

Я приехал туда для ревизии лесосек, отведенных еще летом одному из местных «Желлескомов»: сам же Стукаленков дал знать в лесничество, что, по его мнению, «Желлеском» незаконно «прирезал» к отводам изрядные полосы не отмеренного ему и не оплаченного по закону леса.

Целый день мы с Федором таскались по декабрьскому лесу, на нашу удачу малоснежному, а когда стало темнеть, направились к перекрестку двух дорог, куда должны были подогнать мне из ближней деревни Чуркино санки, чтобы отвезти меня на ночлег: ночевать у самого Стукаленкова, по его словам, было бы мне неудобно. Он объяснил это тем, что у него «хата — прости господи, ну и опять же — маленький вроде заболелши: боюсь, ночью беспокоить будет». Ну что ж, так, так-так: в Чуркине помещался «Желлескомовский» лесник, а лесники у «Желлескомов» были все люди с отличными пятystenками, и заночевать у него, вероятно, мне было бы даже комфортабельнее. Правда, мне не очень-то хотелось вступать в какие бы то ни было отношения с работниками ревизуемого учреждения, но репутация у меня была как у жены Цезаря, а другого выхода явно не оставалось: было хорошо известно, что Федор Матвеев никогда и никого к себе в дом не приглашает.

Мы дошли в сумерках до перекрестка, но никаких чуркинских саней там не обнаружили. Постояли, померзли. Сумерки стали гаснуть, и Федор Стукаленков внезапно обеспокоился. «Что я вам скажу, товарищ начальник, — с видимым неудовольствием, но очень решительно заговорил он вдруг, — а ведь придется вам у меня заночевать» (чуть заметный огонек его «сторожки» мелькал вдали между осиновых стволов). Я возразил, не потому, что боялся бы ребячьего ночного плача — в те годы меня буквально из пушки стреляй не разбудить было, я убедился в этом еще на фронте гражданской войны, — а просто знал, что этот странный лесник по каким-то причинам опасается вводить посторонних в свой дом.

— А зачем мне тебя стеснять, Федор Матвеев? — предложил я. — Ведь до Чуркина-то сколько? Версты четыре... Шаг у меня, сам видишь какой, дорога одна. Пойду, через час там буду...

К моему большому удивлению, Стукаленков вроде бы как даже ужаснулся моим словам:

— Что вы, Леванид Василич! (мой «скобари» с большим трудом привыкали к моему «зверскому» имени), — почти ахнул он. — Да разве это теперь можно?

— А почему же нельзя, Федор Матвеев? — усомнился я.

— Да что вы, товарищ начальник? Да они тут теперь кругом моей избы не только что ночью — и днем безо всякого страха ходят...

— Зеленые? — невольно вздрогнул я.

— Какие зеленые? Я тех зеленых за все два года еще ни одного в глаза не видел... Волки! Давайте, барин, скорее к дому идти: темнеет быстро, торопиться надо!

Мы, не задерживаясь более, тронулись в путь.

— Неужели много волков?

— А я даже и сказать вам не умею, сколько их тут собралось! В эту осень они со всего света сюда в «Старик» явились. И с Харайлова, и с Глубиня, и с Глубина-Вязьменского. Никогда этого не было, а тут — на поди! Хорошо, у меня на хлеву крыша крепко устроена, да и вся постройка — еще слава богу, дай бог здоровья плотникам, которые рубили. А то бы не узнать, что делать...

Он вдруг замолчал, как-то подступил ко мне поближе на ходу и совсем другим голосом, почти что полупшепотом, точно опасаясь, чтобы его лес не услышал, заговорил «не о том».

— Товарищ начальник, — нерешительно пробормотал он, — уж раз такая выпала планида, что вам у меня ночевать придется, ничего не поделаешь — должен я вас предупредить. Это все неправда, что ребенок болен. Вам я все скажу... Ну грех вам будет, коли вы по народу такую весть пустите... С женой у меня не ладно, Леванид Василич... Жена у меня больная... Ну, это — как сказать — больная; она так ничего бабочка, здоровенькая. И не могу я сказать, чтоб глупая, иету этого. Ну... маленько не в своем уме. Все хорошо, все ладно, да вдруг — как заговорит, как понесет — хоть стой, хоть падай. И потом получается вроде падучей. Я ее в Погост возил; уже Николай Павлыч — хороший доктор, ничего не скажешь — не признает у ей падучей. Это, говорит, у ей психическое заболевание, от большого испугу...

Он замолчал, как будто ему особенно трудно было сказать остальное...

— И вот еще что, барин... совестно говорить, но придется. Есть у ей еще одна расстройство, вы уже это поимейте в виду. Нельзя ее с мужиками оставлять. Она и сама себя стыдится, а совладать с собой никак не может. Так уж вы поимейте в виду, Леванид Василич... вот мое колдовство, вот мое и нелюдимство — вот все оно тут...

Он постучал в дверь. Звонкий, совсем еще молодой женский голос ответил: «Ты, Феденька?» «Мы с начальником... Санки не приехали, а — волки... Открой, Катя?»

Воцарилось недолгое молчание. Потом послышался звук отодвигаемого засова.

— Федь, не сразу входите... Одеусь...

Мы помедлили, потом Федор открыл дверь. За нею оказалась очень чистая комната дореволюционного образца «леснической сторожки», немного подделанная даже под старинные охотничьи домики; четырехгранные слези-балки под потолком, какое-то подобие светцов из черного железа, видимо, на предмет держания факелов, как в каменных замках...

Очень милостивая женщина лет двадцати пяти, светловолосая, голубоглазая, вышла из-за полога, разделявшего избу на две половины.

— Здравствуйте, проходите... — проговорила она, и какой-то чуть заметный нерусский акцент — может быть, скорее интонация — удивил меня в ее речи. — О, волки... Такой ужас!.. Садитесь... Федя, я не знаю, чем товарища начальника кормить можно? Ты меня научи...

Меня можно было кормить тем же самым, что и Федю — тушеным в корчаге мясом с картошкой и щами. Это удивило Катерину Стукаленкову.

Пока мы ели — мне понравилось, что в отличие от всех других лесников Федор и словом не обмолвился насчет: «Самогопочки не хотите?» — из-за полога вышли, как маленькие эльфы, сначала девочка лет девяти, потом мальчуган, наверное, пятилетний — оба как две капли похожие на третью каплю, на свою мать. Девочка, подойдя к отцу, застенчиво прижалась плечиком к его плечу. Буруз, напротив, подошел ко мне и вскарабкался на колени. «Куды ты, куды!» — окликнул его Федор. Я не отпустил мальчугана, и он, подивив на меня круглое, розовое свое личико, не говоря ни слова, усталился мне прямо в глаза своими чисто-голубыми глазами. «Ты добрый?» — спросил он. «Очень добрый!» — ответил я. Катя, сев в сторонку, низко наклонившись над работой, начала что-то штопать.

Над столом горела «семилнейная», значит, довольно светлая, лампа — лесникам давали «карасин». Остывающая чугунка потрескивала. Царил мир, свет, тишина. И вдруг...

Я не понял, что это такое. Я и сейчас не могу передать вам всего ужаса этого звука. Ну да, формально говоря, можно сказать, что он был похож на собачий вой. Но этот собачий вой так же отличался от воя любой обыкновенной собаки, как от самой собачонки отличается кидющийся на вас из кустов волк. У меня внезапно похолодела спина. Мальчишка вздрогнул и весь сжался на моих коленях. Девочка еще теснее прильнула к отцовскому плечу. Мать подняла голову, быстро взглянула на Федора, на меня, и мне показалось на этот раз, что в ее глазах искрой промелькнули не то страх, не то тоска, не то какое-то и впрямь безумие... И в этот же миг за окнами, совсем близко от избы, с диким отчаянием, с бесовской злобой, с привизгом взвыли уже два мощных, страшных и жалких голоса. Потом к ним присоединился третий, издали... Я спустил мальчонку с рук и подошел к окну. Нет, за ним я ничего не увидел. Пустая белая поляна. Нет, показалось...

— А хочешь, Леванид Василич, послушать? На крылец выйти можно... Ружья взявши...

Я огляделся еще раз: русская печка, крюк для люльки, ввинченный в потолок, шейная машинка «Зингер», ножная, между окон... А может быть, нет этого ничего? Может быть, есть только костер в пещере да черное устье-вход, около которого с копиями в руках всегда, каждую злую ночь, сменяясь, дежурят по двое юношей-охотников...

Я посмотрел на Федора. Он гладил по белой головке свою девочку. Мальчуган тоже подобрался к нему. На меня он не смотрел, и это все решило. «Экзамен мне устраиваешь, Федор Матвеевич? — подумал я. — Ну что ж, выйдем к классной доске...»

— А в самом деле интересно: давай выйдем минут на пять.

— Ну на пять... Хватит и на три: они услышат, такую завойку дадут...

Мы оделись, взяли ружья. «Пули?» — спросил меня Федор. Я кивнул. «Ну, товарищ начальник, только так, с крылец — ни шагу. Гулу не подавать. Вышел.

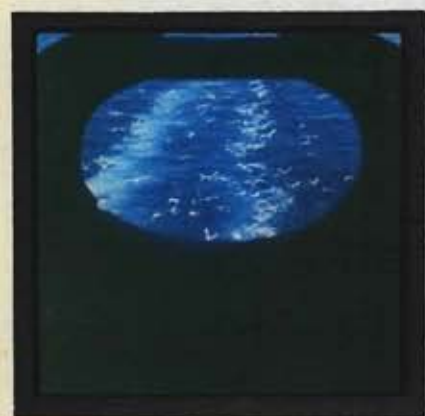
Когда придет время очередной переписи населения и счетных дел мастер с пачкой бюллетеней доберется до Птичьего острова, записи его окажутся довольно однообразными. Три человека в графе «профессия» будут записаны метеорологами, один курибаном — он на своей лодке доставит счетчика с рейда на островной берег, как исправно перевозит и всех постоянных обитателей Птичьего, все остальные островитяне назовутся краболовами.

Редкостной этой профессии не встретить ни на одном из остальных дальневосточных островов. Командоры славятся морскими котиками и каланами, остров Врангеля гордится моржами и белыми медведями, у зеленых берегов Шикотана вспенивают океан косяки сайры. Еще десяток островков кичатся дымящимися вулканами да тем, что нанесли их на карту легендарные Крузенштерн, Головин, Лаперуз. А вот крабов, огромных вишневых красавцев, которым даже БСЭ посвятила отдельную статью, нигде, кроме как у скал Птичьего острова, в таком обилии не сыскать.

Сверху, с самолета, остров походил на треугольный плавничок кита, а с кормовой площадки самоходной баржи напоминал перевернутую чашку. Слов-

БОЛЬШИНСТВО ОСТРОВИТАН — КРАБОЛОВЫ.

БАРЖА ЗАПРЫГАЛА ПО БУРУНАМ.

но одна-единственная гора строптиво оттолкнулась от Камчатки, да так и застыла в нескольких милях от берега.

Море сулило шторм. Ветер стриг гребешки волн, и на поручни, на нейлон курток, на губы оседала солено-горькая морская пыль. Прощально помаргивал маячок, и, наконец, прерывистый его свет стал почти неразличим.

Баржа запрыгала по бурунам, что горбятся в месте встречи морского наката и течения реки Хайрюзовой. На бурунах любой шкипер поглядывает за борт: вдруг намыли течения новый бугор из донной гальки. Не успел я подумать об этом, баржа и впрямь с маху вылетела на мель. Произошло это потому, что вел ее капитан-практикант, который еще не наловчился без осечек водить баржу по капризным прибрежным водам.

Положение наше осложнялось еще и тем, что все пространство между бортами было заставлено накрытыми брезентом штабелями крабов, выловленных накануне парнями с Птичьего. Рыбкомбинат, расположенный в устье, обойтись без них не мог, ибо весь предыдущий улов был давно уже закатан в банки с яркими этикетками. А помощь с берега или полная вода подоспеют не скоро. Потому примолкший было двигатель баржи взревел, из-под винта взметнулся фонтан воды, смешанной с песком. Мы сдвинулись на несколько метров. Застыли. Баржа «по-собачьи» водила носом, искала проход. С пятой попытки убедились, что засели накрепко...

Камчатку давно затопила ночь. Я напряг зрение, пытаюсь различить мотоботы на рейде. Очень уж романтично

Олег ДЗЮБА.
Фото автора.

ОСТРОВ КРАБОЛ

КРАБОВАЯ ЛОВУШКА ПОХОЖА НА АНТЕННУ ЛОКАТОРА.

смотрелся вечером их клин. Будто стая огромных серых птиц привохла к ночи.

Днем раньше, когда я впервые ступил на Птичий, рейд пустовал. Мотоботы засветло уплыли в море, и, пользуясь свободными часами, я пошел в обход острова. Тропа петляла по склону. Зеленые перья трав, несмотря на календарный разгул лета, никак не могли перерасти высохшие прошлогодние стебли. И ни одной птицы вокруг. По ошибке, что ли, дали острову название? Я вышел к обрыву, и в то же мгновение с противоположного склона взметнулась куча черных топорков и с криками закружила в небе. Черные красноклювые птицы бесстрашно реяли над макушками каменных безмолвных глыб, и если кто и обратил на них внимание, то разве что одинокий сивучонок, разлегшийся на валуне вблизи от берега.

Рыжий зверь, лентяй, приподнял голову. Несколько секунд понадобилось ему для размышлений, стоит ли реагировать на пришельца и горластых птиц. Осторожность победила. Сивучонок звонко зашлепал лапами и классно, без брызг ушел в воду.

АБОРИГЕНЫ ГЛУБИН.

Часа через два я миновал последний скальный бастион и вернулся к причалу. На рейде появилась наливная баржа. Дело в том, что речная струя опресняет прибрежные воды, а технология консервного производства требует, чтобы перед закаткой в банки крабы были сварены в морской воде. Вот и приходится заполнять цистерны подальше от берега.

Перед тем как попасть на остров, я провел несколько дней на траулере «Нерка», одном из поисковиков, разведывающих крабовые поля для плавзаводов. С рыбой проще: косяк в толще воды сразу «проявится» на ленте эхолота. А краб не отрывается от дна. Поисковиком, гоняющим за сельдью или скумбрией, в общем-то и сети ни к чему, разве что для редких контрольных зачетов. Охотникам за крабами доступен лишь метод проб и ошибок. Основная подсказка — донные течения. Ставить снасти в их зонах бесполезно. Крабовая ловушка с виду похожа на антенну радиолокатора, внутри каркаса, обтянутого сетью, помещен пенал с приманкой — куском рыбы. Крабы в таинственных своих подводных странствиях — промысловики уверяют, что крабы выписывают по дну гигантские многомильные восьмерки, — натываются на снасть, почуяв запах приманки, забираются внутрь, а там уж только сноровистые руки матросов вытряхнут их на палубу. Течение может перевернуть ловушку, прижать ее отверстием ко дну, и превратится она из хитроумного приспособления в бесполезную конструкцию из стальных прутьев. Потому пока судовая лебедка не вытянет на палубу вязанку ловушек, нанизанных на ведущий трос, никто не сможет определить, удача ли ждет ловцов или обидный «пустырь».

Интересно следить за исчезающими в густой синеве воды «локаторами» ловушек. Вот, наконец, первые витки троса легли на барабан лебедки, повисла над палубой первая ловушка, и, не веря своим глазам, я увидел, что почти до половины ее заполнили вишневые панцири крабов. Парни работали споро, без перекуров. По правилам крабового промысла самочки и недорослей, которым

рано еще в консервную банку, полагаются отправлять за борт. И лишь потом, когда останутся на палубе полноценные аборигены глубин, можно говорить о размерах добычи.

— По одиннадцать в среднем! — крикнул боцман.

Капитан, стоявший на мостике, покачал головой. Плавзаводам, ожидающим рекомендации, нужны гарантии, а еще и трети ловушек не подняли. И не так уж это много — одиннадцать крабов на ловушку. Но квадрат попался уловистый. Сначала я пытался уследить за боцманскими подсчетами, но скоро сбился, увлекшись поисками интересного фоторакурса, пока кто-то из матросов не оттянул меня за рукав. Оказалось, чуть ли не метровой крабище собрался щепиться в носок ботинка.

— Не шути, — уважительно сказал боцман. — С ними смотри в оба.

Он подобрал с палубы раковину и сунул в крабью клешню. На мокрые доски посыпался белый порошок.

С плавзавода «Сергей Лазо» то и дело выходили на связь с «Неркой». Капитан все отнекивался, хотя уже казалось, что в природе осталось два цвета — морская голубизна и густая краснота крабовых панцирей. Попадались, правда, и ловушки с одним-двумя крабами на дне, зато в других насчитывали и по девятнадцать деликатесных обитателей дна. Наконец, с «Нерки» дали пеленг, и часа через три в нашем квадрате появился плавзавод «Сергей Лазо», обвешанный мотоботами, как елочными игрушками. По ночам мотоботы висят высоко над бортом, а днем сплывают по рекомендованным поисковиками квадратам, ставят ловушки, а через сутки возвращаются за уловом.

«Нерка» снова ушла в поиск, плавзавод остался облавливать найденные ею крабовые поля, а я на попутном катере добрался до Птичьего острова.

...Парни отправились отдыхать, а молчаливый курибан завел лодочный мотор и повез меня на рейд к уходящей на рыбокомбинат барже. Потом долго дожидались прилива на обмелевшем фарватере. Только к утру море вновь подступило к берегам, баржа всплыла над медью и продолжила свой путь. По тундре еще растекался туман, а воздух над рекой был прозрачен, и навстречу нам, торопясь на промысел, уже шли первые утренние сейнеры.

В МОРЕ.

ОВОВ

«МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ»

Фотоконкурс «Смены»,
посвященный 60-летию
Великого Октября

ПИОНЕРВОЖАТАЯ.
Фото Бориса МОСКВИНА (Новосибирская область).

ОЗЕРО «КРАСАВИЦА». Фото Бориса ЧИГИШЕВА (г. Омск).

«А Я РАБОТАЮ В УЧЕНИЧЕСКОЙ БРИГАДЕ».
Фото Сергея МИЩЕНКО (г. Чита).

ВЕСЕЛЫЙ МАЛЯР.
Фото Юрия МИЛЬХИКЕРА (г. Черновцы).

ВЕСЕЛЫЙ ДЕСЯТОВОЙ.
Фото Владимира БЕЛЫХ (г. Усть-Илимск).

БОЦМАН.
БОЛЬШЕ ВСЕХ!
Фото Степана АЛЕКЯНА (г. Одесса).

ПРОДОЛЖАЮЩАЯСЯ МГНОВЕННОСТЬ

Заметки о творчестве
солистки Ленинградского театра
оперы и балета имени Кирова
заслуженной артистки РСФСР
Валентины ГАНИБАЛОВОЙ.

Когда танцует Валентина Ганибалова, я всегда узнаю то, чего не знал раньше. Не только о балете. О человеческой природе...

Сейчас она Одиллия. Ее отец — волшебник Ротбарт — наделил свою дочь чертами Одетты, прекрасно понимая, что не может быть красоты высшей, чем красота белого лебедя — воплощения доброты, искренности, самозабвенной женской любви. Одиллия — черный лебедь — по своей внутренней сути должна быть полной противоположностью Одетте. Однако даже волшебник не в состоянии разрушить единство внутреннего и внешнего. Поэтому, дав дочери облик Одетты, Ротбарт помимо своей воли сообщил ей и какие-то свойства души царицы лебедей. И именно эта духовная суть вдруг в какой-то момент обнаруживает себя в глазах, в движениях Одиллии — Ганибаловой, заставляя принца вспомнить Одетту. Духовная суть, а не сугубо театральное появление белого лебедя в окне замка...

...Валентина Ганибалова родилась в Ташкенте. В детстве она не видела белых лебедей, но она знала, что они есть, — и реальные и сказочные, летящие в северном небе андерсеновской сказки...

— Я жила вдвоем с мамой, — вспоминает балерина, — она была рабочей на заводе и не могла уделять мне слишком много внимания. Детство у меня было самостоятельным. Если я жаловалась, что кто-то меня обидел, она не заступалась: «Давай сдачи сама». И сейчас я благодарна маме за то, что она воспитала меня именно так. В искусстве жаловаться никому...

В том же дворе, что и Ганибаловы, жила балерина. У нее была особенная, не такая, как у всех, фигура, особенная походка, осанка, пластика... Вале казалось, что балерина знает, должна знать о героях ее любимой сказки гораздо больше, чем написано в книжке. Но, конечно, она никогда не решилась бы даже подойти к балерине... Та подошла к ней сама, заинтересовавшись девочкой, которая всякий раз провожала ее внимательным, запоминающим взглядом. Балерина пригласила Валу к себе, познакомилась с мужем-художником. Девочка стала часто бывать у них...

В конце концов балерина уговорила Валину маму отвести дочку в хореографическое училище. Валя Ганибалова выдержала экзамены, а через год была уже лучшей ученицей по специальности...

— Сперва я не испытывала особой привязанности к хореографии, — продолжает Ганибалова свой рассказ. — Только когда я лучше узнала музыку — в тринадцать, в четырнадцать лет, — когда поняла, что с помощью танца можно выразить то, что возникает в тебе под влиянием мелодии, только тогда я полюбила балет.

Валентина Ганибалова закончила Ташкентское хореографическое училище, потом училась в Ленинграде в знаменитой вагановской школе, где ее педагогом была народная артистка СССР Наталья Дудинская.

— Когда я впервые увидела Ганибалову, — говорит Дудинская, — меня поразила ее необыкновенная духовная открытость, незащищенность ее мечты попасть в нашу школу. В ее огромных черных глазах светилась надежда узнать тайны балета, которые она не знает и которые — обязательно! — должны существовать.

Наш ленинградский стиль, — продолжает Дудин-

ская, — очень академичен, небросок, по-пушкински романтичен. В нем есть естественная, неэкзальтированная возвышенность, я бы даже сказала, надземность...

И Валентина Ганибалова всем своим существом вращалась в этот стиль, соединяя «ленинградскую» чистоту формы с той одухотворенностью, которая была ей присуща.

...Ленинградское небо казалось ей тем самым северным небом, в котором когда-то в далеком

ВАЛЕНТИНА ГАНИБАЛОВА БОЛЕЕТ
ЗА «СПАРТАК».

детстве пролетели лебеди из сказки Андерсена. И все: и это небо, и строй здешней речи, и звук вечерних шагов по Дворцовой площади, и обдуманное вдохновение зодчих, превратившееся в архитектуру, — все в восприятии Валентины Ганибаловой обнаруживало связь с движением, его эмоциональной окраской и пластической выразительностью, даря ей ту самую «надземность», о которой говорила Дудинская...

В этом строгом ленинградском стиле свободно развивалась ее индивидуальность актрисы, умеющей стойчески переносить собственные невзгоды, извлекая из них духовный материал, необходимый ее балету...

То, что предшествует танцу, буднично и не слишком разнообразно. Класс, танцовщики у станка, бесконечное повторение одних и тех же классических движений... И как бы блестяще ни выполнил сегодня танцовщик тот или иной элемент, это вовсе не значит, что завтра он сделает его так же. Завтра ему будет труднее, потому что, как говорят в балете, «приходит опыт — уходит прыжок». И чтобы сохранить форму, нужно с каждым месяцем, с каждым годом заниматься все тщательнее, все продуманнее, все напряженнее...

— Я всегда прихожу в класс с ощущением, что не хочу работать, — говорит Ганибалова. — Не пойню

такого дня, когда бы я начала заниматься с удовольствием. Наоборот. Начинаю урок, а сама думаю: зачем мне все это нужно? Зачем я себя истязую? Но потом вхожу во вкус, увлекаюсь, и меня уже не остановить. Я не чувствую усталости, забываю о времени... А после всего этого ощущаешь огромную радость... Даже оттого, что ты уже ничего не можешь, что у тебя совершенно нет сил...

— Ганибалова может танцевать каждый день, — говорит Наталья Дудинская, — за себя, за других, по плану, вне плана... Лишь бы танцевать!

Был как-то такой случай. За день до «Корсара» Валя поскользнулась на каменной лестнице, упала, ударила локтем и от боли потеряла сознание. Минут двадцать она не могла прийти в себя. Удар оказался таким сильным, что произошло смещение костей в локтевом суставе. Врачи оказали ей помощь, однако локоть болел так сильно, что она не спала всю ночь.

А на другой день она танцевала главную роль! Правда, перед каждым выходом на сцену ей делали укол...

В принципе в таком состоянии невозможно выйти на сцену, да еще в такой сложной партии. Валентина Ганибалова вышла и танцевала ее с виртуозным блеском. Потому что умеет заставить себя отстраниться от собственной боли — душевной или физической, — отстраниться настолько, чтобы эта боль не мешала ее танцу.

— Раньше я готовила себя к спектаклю, что называется, основательно, — рассказывает балерина. — Но потом поняла: когда я себя очень уж ограждаю от всего, меня задолго до выступления тряска начинает. Не от страха. Слишком много, видимо, эмоциональной энергии накапливается... Поэтому мне надо ее чуть-чуть расходовать. Особенно перед драматической ролью. Нужно быть слегка уставшей, тогда это играет на образ. А если приходишь очень уж свежей, все слишком легко получается. Нет борьбы, сопротивления... Поэтому, готовясь, скажем, к «Легенде о любви», где я играю Мехменэ Бану, я стараюсь настроиться так, как будто во мне живут два человека. Один занимается повседневными делами, куда-то спешит, с кем-то разговаривает, а другой в это время незаметно, исподволь сосредоточивается на актерских задачах. И вот этого второго я оберегаю. Если же двоих начинаешь беречь, получается эмоциональный перекос...

По своей артистической природе Валентина Ганибалова склонна к свободному, спонтанному творчеству. Однажды она даже участвовала в телепередаче, где выступила с хореографическими импровизациями. Звучала музыка, и из заранее заготовленных «блоков» классических движений возникала конструкция танца, о которой балерина ничего не знала до тех пор, пока не прозвучала первая нота...

Но, разумеется, в классическом балете, где эта самая конструкция представляет собою нечто неизменное, подобная импровизация невозможна. И тем не менее, считает Ганибалова, импровизация необходима артисту балета как учебная дисциплина.

— Она воспитывает умение настраивать себя на каждый спектакль так, словно танцуешь его впервые, — говорит балерина. — Что слышишь, то и танцуй...

И очень часто Ганибалова танцует именно так — отдаваясь на произвол своего внутреннего чувства и в то же время применяя строго отобран-

ные и тщательнейшим образом отработанные средства выражения...

— В классе я отделяю каждое движение, каждую деталь движения. Но когда выхожу на сцену, стараюсь все это забыть. Раньше я продумывала основные опорные моменты роли. Сейчас я даже таких столбиков не ставлю. Для меня главное — подчинить себя мысли и чувству, которые пробуждает во мне музыка.

Вот, например, должна я была станцевать в Киеве «Жизель» с Виленом Галстяном. Заранее я продумала лишь два момента, причем не на репетиции, а уже в самолете. Первый момент — сцена гадания. Жизель держит в руке цветок и, гадая, обрывает лепесток за лепестком: «Любит, не любит, любит... Не любит!» И Жизель с тревогой смотрит на Альберта. Тогда гадать начинает он. У него получается: «Любит!» И Жизель успокаивается.

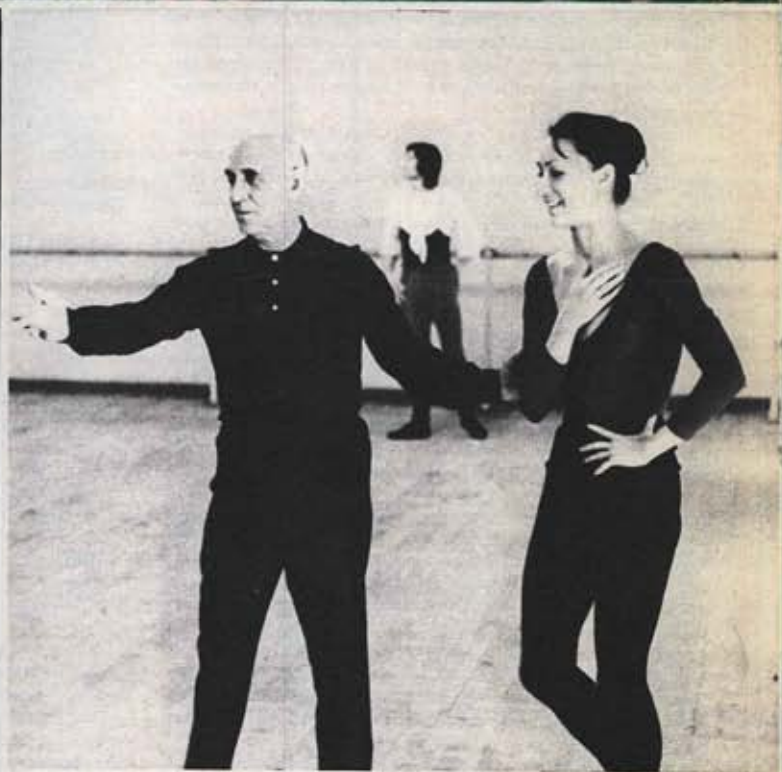
Этот эпизод повторяется потом в сцене сумасшествия, возникая как неискаженный островок истины в сознании Жизели, трагической истины, в которую она когда-то не дала себе поверить.

— Чтобы сконцентрировать внимание зрителей на нем, нужно было сделать какие-то акценты, стоп-кадры, что ли. Вот Жизель вспоминает, как это было: «Любит, не любит, любит, не любит... НЕ ЛЮБИТ!» Нужно сделать мертвую паузу.

Иногда в жизни бывает так. В первый раз приходишь в какой-то дом, встречаешь какого-то человека... И вдруг в тебе возникает ощущение, что все это ты когда-то уже видел...

Я хотела показать обратный процесс. Когда в самом начале цветок сказал ей: «Не любит!», Жизель в глубине души поняла, что так оно и есть. Поняла, что в этом ее судьба, ее рок. Но когда нам хорошо, мы стараемся отместить все неприятное. Поэтому Жизель не позволила этой мысли выплыть из глубины и овладеть ее сознанием. Пусть впереди меня ждет трагический финал, но сейчас я не хочу

М. РАВЕЛЬ. «БОЛЕРО».

В КЛАССЕ НАРОДНОГО АРТИСТА СССР
А. М. МЕССЕРЕРА.

ничего знать об этом. И когда Альберт начинает гадать, она понимает, он должен сказать ей: «Любит!» И не ждет от него других слов. Что бы он ни сказал, это уже неважно. Жизель выбрала свою судьбу.

...Неожиданно появляется Батильда — настоящая невеста Альберта. Он целует ей руку. Здесь Жизель должна повернуться к Альберту и сыграть вопрос: «Скажи, это правда? Да или нет?»

Я сделала это по-другому. Я посмотрела на него... И вспомнила, как мы гадали на цветке. Мой взгляд извлек из прошлого то, первоначальное мое состояние и перенес его в настоящее. Вот моя судьба. О которой я знала уже тогда...

Это все уже было. Это ощущение Жизель знает и помнит. Теперь расплата...

Вот эти два смысловых акцента я для себя и определила. А все остальное нужно было естественно и логично к ним подвести.

Человеку мало только тех эмоций, которые выпадают на его долю в реальной жизни. Поэтому так необходимы нам и любовь Ромео и Джульетты, и безрасчетная доброта Дон Кихота, и летящая меж туч луна из древнего японского стихотворения...

Если кому-то достаточно лишь взгляда со стороны на произведение искусства, достаточно лишь пассивного соучастия в творчестве — он зритель. Если же человек испытывает жажду, чтобы его реальное «я» слилось с воображаемым, он артист...

В Валентине Ганибаловой живет эта неутоляемая жажда перевоплощений. Каждая ее работа — это один из образов ее личности. И, оставив частицу себя в уже сотворенном сценическом создании, она со смелостью самоотречения вновь стремится выразить себя в новой работе.

О Валентине Ганибаловой невозможно судить по одной, двум или даже нескольким работам. Нужно узнать их все, чтобы составить себе представление об актрисе, которая, оставаясь в нашем сознании неизменные образы своих ролей, от работы к работе изменяет себя, открывая свою человеческую суть только в этом непрерывном творческом движении.

— Валентине Ганибаловой мало одной классики, — говорит Дудинская. — Она хочет пробовать себя в разных формах современного балета, работает с разными балетмейстерами, с разными партнерами. Ее концертные программы — очень важная часть ее артистического бытия.

Но подготовить такой концерт трудно. Нужно определить тему, музыку, найти балетмейстера, партнеров, увлечь их своей идеей... А ведь очень часто участники концертного номера живут в разных городах, и у каждого своя работа, свои домашние заботы. Эти заботы, кстати сказать, есть и у Ганибаловой: у нее растет четырехлетняя дочка...

Не знаю, как Валя ухитряется преодолевать эти почти непреодолимые трудности, но каким-то чудом она это делает...

Валентина Ганибалова танцует Шекспира — миниатюру «Макбет» (с Юрием Гумбой) на музыку Перселла, фрагменты из балета «Ромео и Юлия» (с Тийтом Хярмом) на музыку Берлиоза.

Я смотрю на Ганибалову — Джульетту и вспоминаю слова Джульетты, обращенные к Ромео:

*Не клянись ничем
или клянись собой, как высшим благом,
которого достаточно для клятвы.*

— Клянись собой, — словно бы говорит балерина, — и отвечай собой, своей жизнью за свои чувства, за свои поступки, за свою любовь... С собой. Этого достаточно. Даже если тебе противостоят роковые силы зла...

Не знаю, сколько лет Джульетте, которую танцует Ганибалова. Но я вижу, что она живет сразу в трех временах. Ибо в ее любви есть особая женская мудрость, которая со страстью сочетает сострадание, а наслаждение настоящим — с памятью о прошлом и предчувствием будущего...

— В женщине, — говорит Ганибалова, — заложено материнское начало, которое окрашивает заботой, самоотвержением ее чувство к любимому, помогает понять его слабости и простить. Все это и делает женщину сильной. Я убеждена, что Джульетта духовно сильнее Ромео. Она не могла умереть, не дождавшись его. А он не смог этого понять...

Когда танцует Ганибалова, понимаешь: каждое прикосновение к другому человеку — словом, взглядом, ладонью — рождает единственную — без вариантов — ткань судьбы. И нельзя ничего изменить, потому что, как сказал поэт, «не время проходит, проходим мы»...

У нас нет органа чувства, непосредственно воспринимающего течение времени. Постоянно изменяясь, мы не ощущаем, что эти изменения связаны с неостановимым и непрерывным потоком мгновений. И только в какие-то особые, кульминационные моменты жизни вдруг замечаем скорость времени, которую с такой привычной точностью фиксируют часовые стрелки.

Балерина же открывает нам, что балет — это само время, принявшее образ зримого движения, превратившееся в пластику человеческого тела. Рождение каждой новой пластической фазы уничтожает предыдущие. Но мы, зрители, своей памятью соединяем их в нечто целостное — в танец...

Балерина заставляет нас проникнуться красотой этих мгновений, почувствовать любовь-сострадание к живым — но не бессмертным! — образам жизни. И тогда мы начинаем ощущать и трагизм постоянного исчезновения секунд, уносящих в прошлое эти образы, и артистическое мужество балерины, которая всякий раз, выходя на сцену, находит в себе силы восполнять каждую утрату, вновь и вновь продлевая столь необходимые для нас мгновения прекрасного, мгновения танца.

Михаил АНДРОНОВ

Так кончилась школьная юность

*Тетрадки нам война перечеркнула,
Взрывной волной от парт оторвала.
Она огнем в глаза нам полыхнула
И на священный подвиг позвала.
Еще лица не тронули морщины,
Едва пушок пробился над губой...
А юноша-подросток стал мужчиной.
Он стал бойцом, он принял первый бой.*

Маша

*Бой затихал.
Горел поселок Сеча.
В полях клубился дым пороховой.
Она тогда бежала нам навстречу
По снегу,*

с обнаженной головой.

Она кричала:

«Родненькие! Наши!» —

*Как флаг держа листовку в кулаке.
Бил миномет внахлест
с замерзших пашен.
Враг отступал к завьюженной реке.*

— Так кто же ты?

Как звать тебя, родная?

— Меня звать Машей, —

был ее ответ.

Я, помню, шел,

сугробы приминая.

Мы в дом вошли,

зажгли в коптилке свет.

Разбита дверь.

В сыром подвале пусто.

Молчат часы,

и печка холодна.

Ни корки хлеба в доме,

ни капусты,

Насквозь промерз столетник у окна.

— А где же мать?

— В Германию угнали.

— А где отец?

— Убили во дворе.

Рванул снаряд —

и стены задрожали,

Упал кирпич в золу,

Лежит в печной дыре...

Я автомат в углу к стене приставил,

Стянул с плеча походный вещмешок,

Консервы с хлебом девочке оставил,

Обнял ее —

и вышел за порог...

А у реки

Гремели наши пушки.

Висела миной тусклая луна.

Мне не забыть той Маше, той девчушке,

И до сих пор все снится мне она.

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

ЗАНЯТИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ И ДОМА
У НАРОДНОЙ АРТИСТКИ СССР
Н. М. ДУДИНСКОЙ.

ОСОБО ОПАСНЫЙ ПРЕСТУПНИК

ПОВЕСТЬ В ЭПИЗОДАХ, ПИСЬМАХ И ДОКУМЕНТАХ (1902—1905 гг.)

24

Шевяков заботливо пододвинул Гуровской чай с лимоном.
— За Грыбаса, Елена Казимировна, спасибо вам низкое. Вот здесь, пожалуйста, распишитесь. Нет, нет, так сказать, прописью—сто рублей. А за сим—цифрой.

— Вы арестовали его?

— Его убили.

— Как?! Убили?!

— Да. Он двух наших положил, отстреливался.

Гуровская закрыла глаза и увидела Грыбаса, Розу Люксембург, Юлию, Глазова, а потом Ноттена, который обнимал ее за «бесценный подарок»—печатный станок, старенькую «американку», привезенную жандармами...

Шевяков подписанную бумажку убрал в сейф, возвратился к столику, возле которого, оцепенев, сидела Гуровская, и спросил:

— Елена Казимировна, откройте сердце, как на духу: боль внутри чувствуете? Тоску? Или увлеклись работой?

— Зря вы мне такой вопрос поставили.

— Не отвечайте, Елена Казимировна, не надо, если жмет.

— Нет уж. Коли спросили, так слушайте, Владимир Иванович. Когда я с нашими... Когда я с теми... Когда я за границей встречалась со знакомыми... Да, иначе-то и не скажешь теперь... Я когда с ними встречаюсь—вас начинаю отчаянно ненавидеть.

— Меня?!—Шевяков искренне удивился.—Меня-то за что? Я вам, так сказать, помог Владимира Карловича в люди вывести—трибун стал, борец, студенчество его обожает; я вам финансовую помощь оказываю—можете теперь по-человечески жить, я...

— Как жить?—напряглась Гуровская.—«По-человечески»? Это я-то живу по-человечески?! Я смотрю в глаза Мартову или Крупской, Дзержинскому или Люксембург, я вижу в их глазах веру, они мне последнее, что у них есть на столе, в сумку суют—и я-то по-человечески живу?!

— Тихо-тихо,—отодвинув стул, поднялся Шевяков.—Только не надо, так сказать, сцен устраивать, Елена Казимировна, я вам не муж, и не я вашей любви домогался—сами пришли...

— Вы просили меня, чтоб я сердце вам открыла? Вот я и открыла его, Владимир Иванович. И грубо со мной говорить не смейте!—Гуровская поднялась.—Понятно?! У вас лицо тупое!—крикнула она вдруг, чувствуя, что срывается на истерику.—Вы дурак, понимаете?! Дурак! Что бы вы смогли без меня сделать?! Кто бы с вами за один стол сел?! Вы как половой говорите! У вас мыслей нет—одна хитрость!

— Да тише вы.—Шевяков сел.—Ну что вы, право, голубушка, разнервничались попусту? Слова сказать нельзя.

— Нельзя! Если я тащу вас на горбе—молчите! Не смейте

говорить в моем присутствии! Платите деньги, говорите просьбу и молчите! Молчите! Ясно вам?! Молчите!

Дальше она кричать не смогла—началась истерика.

...В это время и зашел в кабинет Глазов.

25

Юлия Гольдман умирала в сознании, понимая, что осталось ей жить на земле считанные дни—не месяцы.

Лицо ее обострилось, но черты были прежние, красивые, мягкие, добрые.

— Феликс,—сказала она тихо, чуть сжав его руку прозрачными пальцами.—Я все время забываю, как называется та гора...

— Та, что вдали между двумя пузатыми?

Юлия улыбнулась:

— Да, между пузатыми.

— «Малышка».

— Малышка,—повторила Юлия и медленно обвела глазами синие дали, белые вершины гор, желтые, тонкие тропки, проходившие по долинам и расщелинам, высокое небо, на котором перелились легкие, кружевные облака.

— Я принесу еще один плед, Юлия.

— Нет, спасибо. Мне совсем не холодно. А, может быть, холодно, я не знаю, но я не боюсь холода, я очень боюсь жары... Феликс, я проклинаю себя за то, что встретилась с тобою.

— А я за это судьбе благодарен.

— Нет, Феликс, это неправда. Я уйду, и ты будешь один, а кто тогда станет кормить тебя, заставлять спать, переписывать статьи. Кто будет понимать тебя, когда ты молчишь, сердиться, уходишь в горы, исчезаешь на месяцы? Знаешь, я всегда не любила женщин. Я с мальчишками дружила, они добрее. Если друг—так друг, никогда за спиной не шепчется. Я не боюсь уйти, я готова к этому, я за тебя боюсь—в этом жестоком мире...

— Юленька, ты...

— Не надо, Феликс... Мы же с тобой уговаривались: всегда и обо всем честно. Я не боюсь, потому что верю в бессмертие... Это не поповство, родной, нет... Человек бессмертен оттого, что призван к рождению. Умирающая листва на деревьях бессмертна, ведь она весной отдала земле семена, из которых будет жизнь. Память—это жизнь, и я не умру, пока живы все вы и сохраните в себе звук моего голоса, цвет глаз, слова. Но мне так хочется быть подле тебя...

— Юленька...

— Знаешь, о чем я мечтаю? Только не сердись, ладно? Надень мне после того, как я умру, колечко...

— О чем ты, Юленька! Когда спадет жара, мы спустимся в долину. Я буду приезжать к тебе каждую субботу, мы снова станем гулять по горам, и я чаще буду с тобою...

— Не надо давать такого слова, Феликс. Я привыкла, что ты всегда говоришь правду. А она жестока. И это очень

хорошо. А мне было бы еще лучше, если бы ты сейчас уехал. Сердишься? Хорошо, не уезжай... Просто я не хочу, чтобы ты видел все... Антек Росол очень любил красные гвоздики, я всегда приносила ему в больницу гвоздики, перед тем, как он... Я тоже очень люблю красные гвоздики... Как мало людям отпущено для счастья, а самое страшное—никто из нас не знает, когда наступит черта... Слава богу, что моя черта—первая... Ох, просто беда, Феликс, с этим проклятым «слава богу». Ты ведь не терпишь, когда его поминают...

— Рассказать тебе, как мы с братьями играли в волшебный клад?

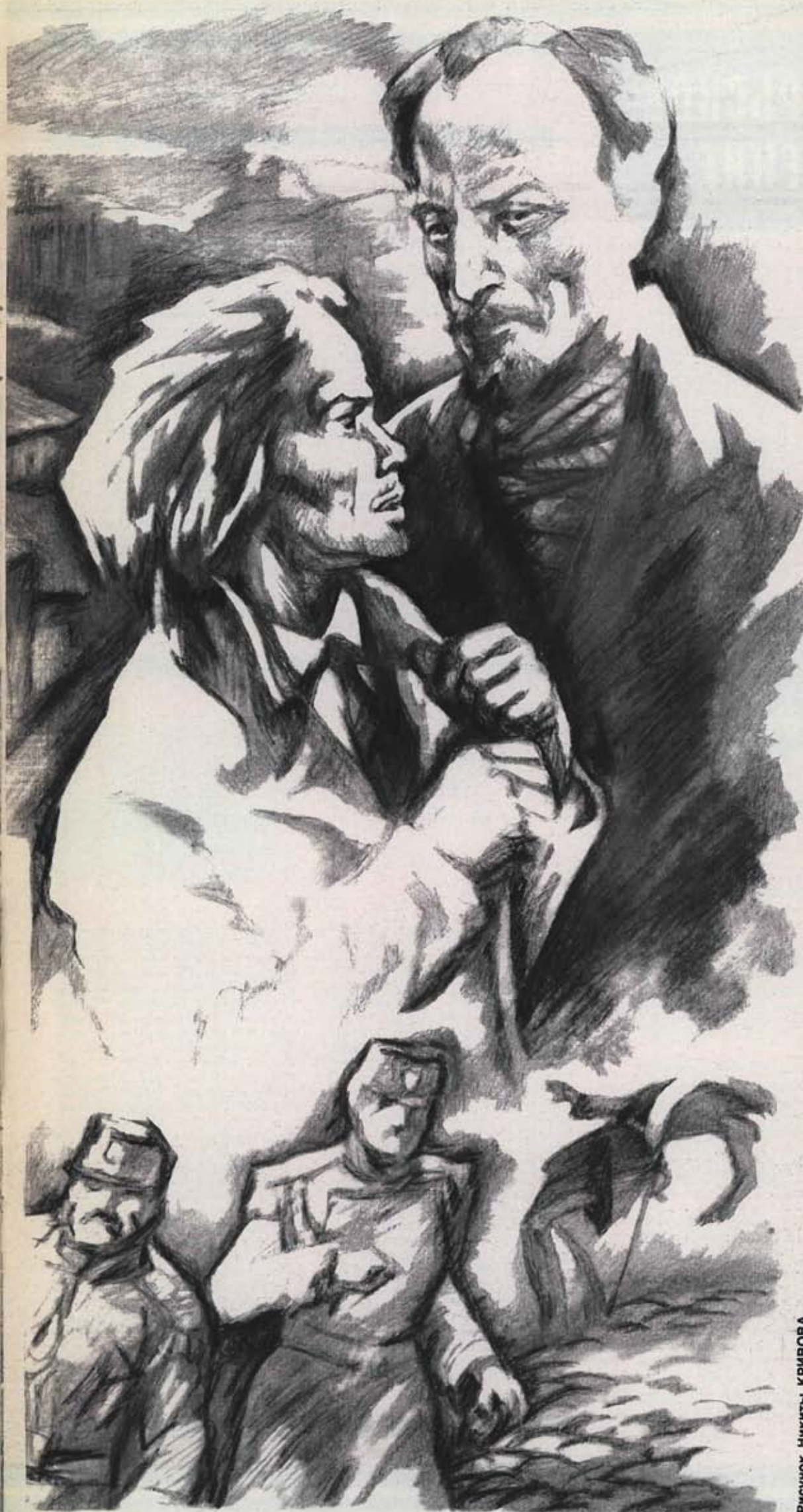
— Не надо. Я плакать стану, Феликс. Как же мне отдать тебе мою любовь, родной? Как страшно уносить с собою любовь—так ее мало на земле, и так она нужна тем, кто остается.

— Юленька, послушай... Когда мне было плохо в тюрьме и лекарь сказал, что я не жилец, я заставил себя стать комком, понимаешь? Я сел на койке и собрал всего себя в кулак. Я сказал себе: «Ты нужен другим, поэтому ощути самого себя, свое тело и болезнь в нем и обрати свой гнев против этой проклятой, маленькой, затаенной болезни, и заставь ее испугаться тебя». Понимаешь? И я заставил ее испугаться. Сделай так же, Юленька, ласка ты моя нежная.

— Феликс,—женщина улыбнулась слабо и по-взрослому снисходительно,—но ведь ты Дзержинский. Таких очень мало на земле. Потому тебя одни очень не любят, а другие так любят, что слов нет это выразить. Ты ведь и сам не понимаешь того, что ты—Дзержинский. А если бы понял, я бы тебя не полюбила.

Бетховенская музыка была огромной, всеохватывающей, но не отделяющей себя от тех, кто ее слушал. Умение отдавать—талант сильных.

На людях плакать невозможно. На людях—это когда пятнадцать человек возле свежесыпанной могилы, и все они товарищи; здесь же, в концерте, где тысячи—ты принадлежишь самому себе, и можно плакать—беззвучно, схватившись пальцами за красный бархат кресла; здесь до тебя никому дела нет, потому что все пришли со своим, Бетховен-то каждому отвечает. Сиди и плачь. Тут можно,

Дзержинский. Тут надо. Завтра глаза твои должны быть сухими: в твои глаза смотрят и враги и друзья. Ни те, ни другие не имеют права увидеть в твоих глазах слезы. Одним они покажутся слабостью, другим — неверием. К твоим глазам очень присматриваются, потому что ты — Дзержинский.

26

— Феликс!
Дзержинский не сразу понял, что это его зовут, — привык к «Юзефу».

Стремительно обернулся: навстречу ему бежал Сладкопевцев.

— Феликс!
— Здравствуй, Миша!
— Пойдем, я тебя познакомлю с нашими. Откуда ты? Надолго? Что бледный? Болен?

— Нет, нет, здоров. А откуда ты?

— Из Парижа... Вот собираемся на... Сладкопевцев не ловко и внезапно оборвал себя. — Ты знаком с нашими товарищами? Это Иван Каляев, Борис Савинков — Ропшин...

Каляев шагнул навстречу:
— Здравствуйте, Феликс, сколько лет, сколько зим...
— Здравствуй, Янек, рад тебя видеть.

Савинков поклонился молча, заметив:
— По-моему, мы встречались с вами во время этапа в Вятку. Я говорил об этом Ивану.

— Вероятно.

Каляев, со своей обычной, детской, застенчивой улыбкой, пояснил:

— Борис меня иначе, как «Иваном», не величает.

— «Иван» — это категорично, мужицкое это, а в «Янеке» много детского, — усмехнулся Савинков.

— Это хорошо, — заметил Дзержинский, — детскость — синоним чистоты.

— В нашем деле не детскость нужна, а твердость, — возразил Савинков.

— Ребенок бывает порой тверже взрослых: те умеют, когда надо, отойти в сторону или изменить слову; дети, к счастью, этому не учены.

— Это философия, — жестко возразил Савинков, — я не умею философствовать. Хотите к нам присоединиться? Мы поужинать собрались. Славно посидим.

— Нет, спасибо. У меня дела.

— Пойдем, Феликс, — попросил Сладкопевцев, — вспомним, как через Сибирь бежали, Борис стихи почитает, Янек расскажет что-нибудь, пошли!

— Я предлагаю «Бретань». Там рыба хорошая, — предложил Савинков, — под белым соусом. И не только вина можно спросить, но и водки. Оттуда позвоним Ивану Николаевичу и Егору: «Бретань», чтобы посетителей приваживать, добилась себе телефонного аппарата...

В «Бретани» было тихо, пусто — не сезон.

— Что вы закажете, Дзержинский? — спросил Савинков.

— То же, что вы.

— Тогда спросим рыбы. Пить что станете?

— Я не пью.

Савинков смешливо почесал кончик утиного, быстрого носа:

— Это принцип?

— Необходимость.

— Вы написали хороший рассказ в вашем «Червонем Штандаре», — заметил Савинков. — Очень честная штука. Готовите книгу рассказов?

— Я писал не рассказ, — ответил Дзержинский. — Это отчет о победе.

— Это рассказ, — возразил Савинков. — Все мы, пишущие, кокетничаем скромностью. Официант!

Тот подплыл стремительно.

— Рыбу варите недолго, — сказал Савинков. — Пусть внутри останется красинка. Соус подайте отдельно, каждому. Пусть потрут чеснока, передайте на кухню. Спаржу не солите, принесите рыбацкую соль, очень крупную, мы сами.

— Вы гастроном, — усмехнулся Дзержинский.

Савинков пожал плечами, обернулся к Каляеву:
— Иван, посмотри, наши не идут?

Каляев сразу же поднялся, пошел к двери, — махонький, в чем только жизнь держится.

— У вас словно в казарме, — заметил Дзержинский. — Повиновение полное.

— Мы добровольно приняли команду, Феликс, — пояснил Сладкопевцев. — Мы ведь действуем, нам нельзя без железной дисциплины.

— Дисциплина должна быть самовыражением призвания.

— У вас емкое чувство слова, — заметил Савинков. — Обидно, если вы погрязнете в социал-демократических дискуссиях и рефератах. Уж если не к нам, не в наши ряды — то писать.

— В спорах рождается истина, — сказал Сладкопевцев, поняв, что слова Бориса неприятны Дзержинскому. — Они по-своему ищут, пусть.

— Революции нужны подвижники дела, а не споры, — не согласился Савинков. — Женаты?

Дзержинский ответил вопросом:

— А вы?

— Де-факто.

— Дети есть?

— Да.

Рисунок НИКИТЫ КРИВОВА

Продолжение на 30-й стр.

ОКТАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ТРИ ЦЕЛИ

Комсомольцы машиностроительного завода № 1 в Ханое вступили в соревнование за перевыполнение заданий пятилетнего плана. Еще в прошлом, первом году пятилетия молодые рабочие были в авангарде движения за повышение производительности труда. Они внесли сто пятьдесят рационализаторских предложений, брались за самые трудные задания, 182 рабочих выполнили годовой план на один-шесть месяцев раньше срока.

В благородном патристическом движении участвуют все члены Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина города Ханоя. Особое внимание уделяется трем главным направлениям в деятельности Союза.

Первое. Молодежь настойчиво стремится овладеть знаниями, освоить достижения науки и техники и на этой основе повысить свой профессиональный уровень. Каждый молодой рабочий обязался внести по меньшей мере одно рационализаторское предложение, а каждый молодой инженер—уча-

ствовать в разработке не менее чем одного технического проекта.

Второе. Члены Союза будут энергично участвовать в управлении производством, искать пути увеличения выпуска продукции на всем предприятии при одновременном снижении ее себестоимости.

И третье. Члены Союза будут брать на себя выполнение самых трудных и ответственных задач и принимать самое деятельное участие в осуществлении всех тех главных проектов, над которыми шефствует Союз на том или ином предприятии.

«ВЬЕТНАМ ЮС», СРВ

БИТВА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Приковавший себя в знак протеста цепями к дереву крестьянин кричит: «Мы будем бороться до самой смерти!» Камни и бутылки летят в полицейских, прикрывающихся большими щитами. В ход идут железные прутья, деревянные дубинки и бамбуковые шесты.

Это японские крестьяне, убежденные защитники окружающей среды, пытаются не допустить ввода в эксплуатацию нового международного аэропорта Нарита, в 70 километрах восточнее Токио. Аэропорта,

который обошелся в 900 миллиардов иен и который за все четыре года своего существования не принял еще ни одного самолета. Старый же, перегруженный аэропорт Ханеда, которому недавно исполнилось 45 лет, со скрипом продолжает функционировать.

В начале своей борьбы крестьяне построили две стальные башни высотой 82 и 32 метра. Эти башни, воздвигнутые точно на пути самолетов, препятствовали началу эксплуатации аэропорта. На более высокой башне крестьяне установили бронированный наблюдательный пост, откуда велось наблюдение за полицией.

Полицейским удалось таки под прикрытием ночи разрушить обе башни. Несколько сот крестьян были ранены. Но борьба все еще продолжается. Бездействует не только аэропорт. Недалеко от него находится большой подземный вокзал, куда не пришел пока ни один поезд. Для запроектированного сверхбыстрого экспресса Токио—Нарита еще не уложены рельсы—крестьяне отказываются продавать свои земельные участки, опасаясь, что грохот поездов вынудит их уйти с насиженных мест.

«ШТЕРН», ФРГ

МНОГОЕ ЛИ МОЖЕТ КОКО?

Эти волосатые «студенты» уже внесли свой вклад в историю. Моя, например, может быть, и не слишком знаменитый оратор, но зато она хорошо рисует на черной классной доске и у нее несомненные успехи в изучении языка. Однако этой отличнице только четыре года, и она, конечно же, уступает Коко пяти с половиной лет.

Но более всех преуспевает Лане. В свои шесть лет она умеет и читать и писать. И это, как показывают исследования, вовсе не подвиг для обезьяны. Моя и Лане—шимпанзе, Коко—горилла, и все они участники эксперимента, цель которого научить обезьян общаться с человеком. Ученые обнаружили, что хотя обезьяны и далеки по интеллекту от человека, тем не менее их уровень сообразительности значительно выше, чем люди думают.

Шимпанзе, горилла и орангутан были направлены в школу, где их приучали к дисциплине, поощряя за успехи и наказывая за неудачи. В Станфордском университете, штат Калифорния, где психологи разрабо-

тали специальный язык, состоящий из символов, ученые после нескольких лет работы пришли к выводу, что горилла Коко столь же восприимчива, как и человеческий ребенок того же возраста. Однажды обезьяна казалась чем-то угнетенной. Когда ее спросили, не случилось ли что-нибудь, она ответила на осваиваемом ею языке символов: «Да, мне грустно, и я утром плакала».

Алфавит Лане состоит из девяти символов, которые она может использовать в различных сочетаниях, чтобы составлять слова. Ее словарь пока состоит из ста слов, некоторые из которых она изобрела сама. И потому сейчас шимпанзе может отвечать на вопросы или просить лакомства, точно определяя их названия. Успехи Лане, которая научилась понимать время, произвели на ученых столь большое впечатление, что они решили приспособить компьютерное устройство, с которым работают обезьяны, для обучения умственно отсталых детей, не умеющих говорить.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

СЛАВЯНСКИЙ ХРАМ IX ВЕКА

Давно пытались найти археологи местонахождения древнеславянских святилищ на территории нынешней Германской Демократической Республики, однако до сих пор это не удавалось. В то же время известно, что славянские племена, жившие в этих местах с VII века, принесли на территорию между Одером и Эльбой вполне сложившиеся культурные представления. Об этом содержится сведение в письменных документах той эпохи, особенно периода XI—XII веков.

Можно с уверенностью утверждать, что у каждого племени было свое божество. Известный хронист Титмар фон Мерзебург пишет: «Сколько здесь племен, столько имеется и храмов». Мы знаем даже имена богов целого ряда северо-западных славянских племен. Так, например, в северо-западном Мекленбурге, где жили оборы, почитался бог Радигост, редары, обитавшие в укреплении Ретра, поклонялись Сварожичу, а племя рани молилось божеству Свантевигу, в честь которого в крепости Аркона на острове Рюген было поставлено его четырехголовое изображение.

Недавно археологам наконец-то повезло—были обнаружены остатки первого славянского храма. Сотрудники музея древней истории в Шверине вместе с работниками Центрального института древней истории и археологии при Академии наук ГДР, производя раскопки древнеславянского поселения в Гросс-Радене около озера Штерибург, обнаружили культовую постройку IX века. Остатки здания, разбросанные по окрестным болотам, хорошо сохранились. Среди этих остатков—толстые дубовые балки, части входа и кровли. Помимо основных стен, здание имело ограждающую декоративную стену также из дубовых балок, со следами очень тщательной обработки. Каждая такая балка (всего их найдено 53) наверху заканчивалась изображением, напоминающим человеческую голову.

В помещении храма размером 7,5 × 13,0 метра, высотой 5 метров обнаружено несколько лошадиных черепов и глиняный сосуд, носивший ритуальный характер.

«ВЕДЗА И ЖИЧЕ», ПОЛЬША

РАНА ЕЩЕ КРОВОТОЧИТ

Старая рана американского общества снова кровоточит. Университет штата Огайо. Именно здесь семь лет назад национальные гвардейцы убили четверых студентов и ранили еще девятих, когда молодые люди вышли на антивоенную демонстрацию. В школе нынешнего года около ста активистов выступили с иезовым осуждением решения администрации университета построить спортивный зал в полутора десятках метров от места, где была пролита кровь студентов. Нынешние коллеги жертв репрессий заявили, что не позволят осквернить место гибели юношей, выступавших против грязной войны во Вьетнаме.

Еще в мае, узнав о планах строительства, двести демонстрантов совершили марш протеста, а потом установили несколько палаток на знаменитом холме, объявив, что будут жить в них, чтобы помешать стройке. Они поклялись оставаться там до конца, пока их не сдвинут с места бульдозерами. Руководство университета отказалось удовлетворить требования студентов. Но Роберт Харт, лидер молодых людей, настаивающий на уважении к памяти погибших, предупреждает: «Мы будем пикетировать будущую стройплощадку. Мы не уступим!».

«ТАЙМ», США

В ГЛУБЬ ВЕКОВ

При раскопках в Таиланде до сих пор было найдено свыше 18 тонн горшков, глиняных черепков и металлических предметов. К этому теперь прибавилось 126 человеческих скелетов и большое количество отдельных человеческих костей.

Ученые убеждены, что они обнаружили остатки древнего центра человеческой цивилизации, родину людей бронзового века.

Судя по всему, люди, жившие здесь, основы металлургии знали раньше, чем жители Месопотамии. До сих пор найденные предметы охватывают период с 3600 до 250 года до нашей эры. Вероятно, заселение территорий происходило более семи тысяч лет назад.

«ТЕХНИКУС», ГДР

ЖИЗНЬ В СКАЛЕ

Американские исследователи натолкнулись в Антарктике на колонии одноклеточных водорослей, живущих под скальной поверхностью. При исследовании горной породы (ортоквацита) ученые установили, что приблизительно в 1—2 миллиметрах под поверхностью скалы параллельно ей тянется слой темно-зеленых водорослей толщиной в полтора миллиметра. Водоросли, защищенные от воздействия окружающей среды, живут в порах и мелких трещинках породы. Благодаря полупрозрачности горной породы крохотные растительные организмы получают достаточно света для того, чтобы покрывать свою потребность в энергии путем фотосинтеза.

Это первый случай обнаружения растений, осуществляющих фотосинтез в условиях холодной антарктической пустыни, вдали от озер и морского побережья. Открытие американских ученых дает надежду найти следы жизни внутри горных пород на Марсе, поскольку условия на этой планете приближаются к антарктическим.

«ДЕЛЬТА», ВЕНГРИЯ

НЕОБЫЧНАЯ ВЫСТАВКА

В городе Лимассоле на Кипре проходила необычная выставка. Композицию составили работы миссис Каети Марангос, которая увлекается резьбой по дереву. А необычной выставка была потому, что этот вид ремесла и художественного творчества, как правило, удел мужчин. Причем это то правило, исключений из которого практически нет.

Художница представила на суд зрителей тридцать четыре шкатулки и семь настенных панно. Работы были выполнены из дерева — сосны, ореха и кедра.

Темы и мотивы работ были почерпнуты из традиционных сюжетов народного творчества Кипра. Художница, которой ассистируют ее муж и бабушка, говорит, что резьба по дереву помогает ей отдыхать после дневных хлопот.

«САЙПРЕС ТУДЕЙ», КИПР

АКРОПОЛЬ ВЗЫВАЕТ О ПОМОЩИ

Загрязнение воздуха в районе Афин причинило знаменитому Акрополю за последние годы больше вреда, чем два с половиной тысячелетия его естественного старения. Стремительное развитие промышленности и транспорта в столице Греции после второй мировой войны привело к повышению содержания в воздухе серы и других вредных промышленных выделений. Это очень сильно повредило как Акрополю, так и Парфенону. Состояние шедевров древнегреческой архитектуры сейчас настолько тревожно, что ЮНЕСКО выступила с призывом к общественности всего мира помочь в защите этих зданий.

В 1975 году греческое правительство приняло решение закрыть Парфенон для туристов, опасаясь дальнейшего разрушения замечательных мраморных полов. Около

находящихся под угрозой объектов исторического значения создана так называемая «бездельная зона», где разрешается использовать только те виды топлива, которые содержат самое незначительное количество серы. Но это не мешает загрязненному воздуху приходить из других мест.

Швейцарцы предложили закрыть Акрополь гигантским копаком из прозрачной пластмассы, внутри которого можно будет создать соответствующий микроклимат. А группа американцев заявила, что проще всего, сделав точные обмеры, разобрать все уникальные здания по камешку и вновь собрать, но уже в другом месте. Например, в окрестностях Вашингтона. Все расходы предприимчивые дельцы охотно берут на себя.

«СЬЯНС Э ВИ», ФРАНЦИЯ

СНЕЖНЫЙ БУДДА

Японии, в Саппоро, где в первую неделю февраля ежегодно проходит традиционный снежный фестиваль. Около двух миллионов гостей побывали на празднике, который ныне стал одним из самых ярких зрелищ в Японии.

Фестивали родились двадцать восемь лет назад как скромное соревнование в искусстве лепить снежные фигуры. Вскоре интерес к этому турниру начали проявлять художники. Затем к ним подключились... кондитеры, которым и раньше случалось вырезать из кусков льда изящные фигурки птиц или цветы для украшения стола. Сейчас в Саппоро съезжаются многие профессиональные мастера, чтобы продемонстрировать свое искусство.

Обычно скульптуры отличаются гигантскими размерами, и потому посетители фестиваля могут заходить внутрь ледяных дворцов, замков и крепостей. В нынешнем году здесь было 177 произведений этого необычного искусства. Больше всего радовали детей Гулливер, который отбивался от злипутов, и злици, пытавшийся обогнать черепаху, а героев сказок и легенд удачно дополнили популярные телегерои.

«ИЛЛЮСТРЕЙТЕД УИКЛИ ОВ ИНДИЯ», ИНДИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

ОСОБО ОПАСНЫЙ ПРЕСТУПНИК

Начало на 26-й стр.

— С вами живут?
— Я их не вижу.
— Пишете новеллы?— продолжал спрашивать Дзержинский. Ему надоела манера Савинкова ставить быстрые вопросы и поучать, растягивая слова, сосредоточив при этом свой взгляд на переносе собеседника.
— Он пишет великолепные стихи,— сказал Сладкопевцев.— Почитай, Борис, а?
— После пятой рюмки,— пообещал Савинков.
И в это время вернулся Каляев с Егором Сазоновым и Евно Азефом.
— Иван Николаевич,— представился Азеф, руки не протянув— деловито устраивал свое огромное, расплывшееся тело в кресле, которое стояло подле Савинкова.
— Василий Сироткин,— назвал себя Сазонов.
— Егор, ты что, с ума сошел?— спросил Каляев.— Это Дзержинский, вы же знакомы!
— Он прав,— сказал Азеф и, отломив кусок хлеба, начал жадно жевать.— И не надо смотреть на меня с укоризной. Он прав. Василий Сироткин— очень красиво звучит. Вы социал-демократ, Дзержинский?
— А вы?
— Я инженер...
— Член партии?
— Беспартийный,— усмехнулся Азеф.
Дзержинский встал из-за стола, молча поклонился и пошел к выходу.
— Зря,— сказал Сладкопевцев,— напрасно вы эдак-то, товарищ Азеф.
— Нет, не зря.— Азеф быстро, чавкаяще жевал, обсыпая крошками свой дорогой костюм.— Вы бы еще сказали ему, что, мол, едем в столицу, Плеве убивать. «Поедем, мол, с нами, в Мариинку зайдем, Павлову посмотрим». Дерьмо вы, а не конспираторы!
— Дзержинский спас меня,— сказал Сладкопевцев.— Когда мы с ним бежали из ссылки, он мне свой паспорт отдал, сам остался без документов...
Азеф пожал плечами.
— Ну и что?— спросил он, по-прежнему жуя хлеб.— Бабы нежности.
Сазонов спросил:
— Это он написал «Побег»?
— Да,— ответил Савинков.— И вот что: товарищ Азеф преподавал нам урок. Вину беру на себя: я Дзержинского пригласил. Революция не терпит сентиментальностей. Что касается его замечания о дисциплине, каждый из нас волен отринуть дисциплину боевой организации, каждый волен отойти, но если уж не отходит— тогда слепое подчинение Азефу и мне. Слепое. Каждый знает только то, что ему положено знать, и тех только, кого мы вам станем указывать. Любая самостоятельность, любая личная инициатива каждого из нас, каковы бы заслуги у вас ни были в деле террора, будет караться беспощадно.
Каляев догнал Дзержинского на улице, взял под руку:
— Пожалуйста, извини, Феликс. У нас предстоит важное дело, поэтому нервы у всех на пределе.
— Это Азеф?
...Каляев смешался, полез за папиросами, остановился— не мог прикурить на ветру. Дзержинский смотрел на его вихор с жалостью и щемящей любовью.
— Я терпеть не могу бар от революции, Янек. Он спокойно отправляет вас на смерть. Балмашев убил Синягина, ну и что? Легче стало? Кому? Балмашева повесили, Ваню забили в тюрьме, Савву расстреляли на Акатуе. Народу стало легче? Что, Плеве демократичней Синягина? Еще страшнее... А ваш барин костюм носит, какой на Елисейских полях не каждый буржуа себе купит. Откуда деньги, Янек?
— Ты сошел с ума! В кассу партии приходят пожертвования!
— Но не для того, чтобы Азеф тратился на барские костюмы.
— А как иначе конспирироваться?
— Если он хочет конспирировать по-настоящему, незачем тащить вас в этот ресторан.
— Просто тебя, как и многих, оттачивает его уродство. Ты должен его узнать ближе. Он очень добрый человек, Феликс. Нет, нет, тебя оттолкнуло его уродство...
— Над Квазимодо мы с тобой оба плакали. Это ерунда— про уродство, Янек. Но бес с ним, с вашим Азефом,— разберетесь сами, не моя это печаль. Как мама?
— О, мама очень хорошо, Фелек, и Ядзя тоже. Выросла, вытянулась, как тростинька на ветру.
— Ты их давно не видел?
— Нет, недавно, только я их видел, а они не знали, что я смотрю на них.
— Это страшнее, чем на свиданиях в тюрьме.
— Да.

— Наверное, лучше бы и не смотреть на них так.
— Все равно это было счастье.
— Горькое счастье. Тебе надо идти, Янек?
— Почему? Ах, да... Конечно. Но меня простят. Как-то неловко все это. Ты поймешь Ивана и Бориса, поймешь, Фелек, поймешь и простишь. Я с открытыми глазами иду на смерть, я счастлив, понимаешь, когда думаю о смертной минуте. Смерть моя не будет напрасной, я хочу этой смерти, потому что она даст жизнь.
— Янек, Янек, товарищ ты мой хороший... Разве изменение в кабинете министров что-нибудь принесет несчастному народу? Неужели вы верите в то, что придет честный?
— Нет, в это мы не верим. Мы в искры верим, в то, что зажжем людей силой своего примера.
— Зажечь можно тех, кто понимает разницу между тьмой и светом. Надо объяснить людям правду, Янек, терпеливо и постепенно. Вы обращаетесь к темной массе, которая станет проклинать вас, которая предаст полиции первой— почитай Максима Горького, он про это страшно написал. Он ведь пришел в село с добром, грамоте пришел мужиков учить, правду им объяснять, а его же и отлупили...
— Так, значит, прав я! Я, Фелек! Объяснять надо после того, как что-то случилось! Вы можете объяснять все, вы строите огромную схему, но это же рано, безумно рано! Сначала нужны жертвы, много жертв, я готов эти будущие жертвы с вязанками сухого хвороста сравнить, с безымянными вязанками— пусть нас забудут,— только бы вспыхнуло пламя! Иначе этот тоскливый, серый российский ужас не пронять, ничем не пронять, Фелек...
Дзержинский задумчиво повторил:
— «Тоскливый, серый российский ужас». Ты дурно сказал, Янек. Если это так— отчего нас так туда тянет? Отчего каждый из нас готов жизнь отдать? Нельзя обезличивать, ничего нельзя обезличивать, иначе мы сами станем маленькими, обезличенными тварями. Не «темный» и не «серый», Янек. Большой. Большая страна, великий народ... Но разве врач вправе называть того, кто болен, бредит, кто ужас несет в жару, околицу, разве вправе он обижать этого несчастного гадким словом? Я верю, что если точно определить зло, поставить диагноз, объяснить, откуда можно и нужно ждать избавления от недуга, болезнь сожрет самое себя: организм, здоровье, разум сильнее хвори, Янек, поверь мне— сильнее.

27

— Пан Норовский?— Вахмистр краковского отделения политической полиции Австро-Венгрии, хмурый, аполлексически толстый, с синевой вокруг глаз, смотрел на поляка безо всякого выражения в глазах.
— Вы меня окликаете уже пятый раз, господин офицер.
— Я не офицер, я вахмистр.
— У меня дома внуки. Они там одни...
— Я понимаю, однако не могу ничем помочь: когда господин лейтенант сочтет нужным, он вас позовет.
— Но вы меня вызвали к девяти утра, а сейчас шесть вечера.
— Я понимаю. Однако господин лейтенант Зирах занят, иначе бы он давно вас вызвал.
Вызвал его лейтенант Зирах лишь в восемь. В кабинете был не один— с Аркадием Гартингом.
— Садитесь,— сказал он Норовскому,— можете курить, если волнуетесь.
— Я не курю. А волнуясь, оттого что внуков надобно кормить.
— Поэтому вы и связались с анархистами, что их надо кормить?— спросил Гартинг.
— Я не связан с анархистами.
— А с кем же вы связаны? Доманский скрывает от вас род занятий? Вы набираете его газету с завязанными глазами?
— По какому праву вы поднимаете голос на меня?— спросил Норовский, пожевав побелевшими губами.— Если я арестован, вы вольны запереть меня в камеру, а коли я вызван на беседу, я вправе подняться и уйти.
— Пан Норовский, не следует вам пикироваться с моим другом,— чуть улыбнулся Зирах.— Как-никак, но именно он следит за тем, чтобы вашу типографию не разграбили злоумышленники. Ее ведь так легко ограбить— запоры пустяковые, решеток на окнах нет. А то, что он взволнован, так это ведь понятно...
— Я готов говорить, но не намерен сносить оскорбления.
— Ну, это неверно,— заметил Зирах,— вас никто не оскорбил.
— Я готов ответить на ваши вопросы,— повторил Норовский и глянул на большие часы с боем, стоявшие в углу холодной комнаты, без картин, диванов, портьер, секретеров— стол, стулья, зарешеченные окна, большая изразцовая печка в углу и больше ничего.
— Что вам известно о Доманском?— спросил Гартинг.
— То же, что и вам. Он платит деньги, я печатаю его газету.
— Значит, вы не разделяете его политических взглядов?
— Нет.
— Тогда отчего вы продолжаете сдавать ему вашу типографию? Он ведь вам задолжал за пять месяцев, а вы до сих пор не внесли арендной платы.
— Я внесу.
— Когда?— поинтересовался Гартинг.
— Этот вопрос мне вправе задать финансовый департамент, господин лейтенант.

— Задаст,— пообещал Гартинг.— Я прослежу за этим.
— Скажите, пан Норовский,— спросил Зирах,— откуда Доманский получает деньги?
— Такого рода вопросы задавать бестактно.
— Мне— вам или вам—ему?
— И так и эдак.
— Пан Норовский, я хочу дать вам совет,— сказал Гартинг и, взяв из папки тоненькую линейку, начал ударять ею в такт своим словам по зеленому сукну стола.— Вы не в том возрасте, когда можно позволить себе роскошь ссориться с австрийскими властями. У вас трое внуков. Их отец умер. Мать безумна, и вам придется довольно много платить за ее содержание в доме убогих. Я точен, не так ли? Очень хорошо, что вы не стали возражать. Власть есть власть, пан Норовский. Власть может все. Согласны? Все! Доманский одинок и молод, мера его ответственности одна, ваша— совсем иная. Он вправе мечтать, а вам следует думать о хлебе насущном для внуков.
— И убогой дочери,— добавил Зирах.
— Словом, мы просим вас сообщить все, что вы знаете, и особенно то, что сможете узнать о намерениях, друзьях и финансовых средствах Доманского. У нас есть основания предполагать, что он принадлежит к союзу анархистов, а наша монархия входит в международную конвенцию по борьбе с ними.
— Это ложь: Доманский не анархист!
— Это правда!— воскликнул Гартинг.
Зирах поднял руки, словно в плен сдавался:
— Как говорят в боксе? «Угол»? В угол, господа, в угол! Я буду рад, пан Норовский, если вы поможете нам опровергнуть эти подозрения. Если же вы решите уклониться— мы вправе посчитать вас сообщником Доманского. Со сводом законов знакомы?
— Нет.
— Напрасно. Каждый свой поступок, каждый шаг, любое намерение человек обязан проверять, соотносить со статьями законоположения. Вот, извольте, пункт сорок девятый: «Пособничество, укрывательство или несообщение властям о деятельности государственного преступника карается заточением в крепость на срок от шести месяцев до двух с половиною лет». Накиньте следствие— месяцев семь... Плохо, очень плохо, пан Норовский. Внуки за это время погибнут. Что подлаешь: когда идет поезд, надо соблюдать правила безопасности. Власть— тот же поезд. Благодарю вас за то, что нашли время прийти. Мы ждем вашего ответа на этой неделе.— Зирах открыл стол, достал оттуда коробку конфет и протянул Норовскому.— А это шоколад для ваших малышей. Не отказывайтесь, я сам скоро буду дедом.

Норовский вошел в квартиру запыхавшись. В комнате, где обедали, стол был отодвинут в угол, стулья сложены на кухне, а посредине, усадив на спину трех— мал мала меньше— внуков, Дзержинский изображал лошадь; старший, Яцек, размахивал над головой веревкой, на которой дед развешивал стираное белье.
— У нас цирк!— крикнул Яцек и стеганул Дзержинского.— Поднимайся на копыта! Я что сказал?!
Норовский прислонился к косяку— бледный до синевы. Яцек растерянно посмотрел на Дзержинского, подошел к деду, взял его за руку, потерял пальцы. Норовский, опустившись на колени, обнял мальчика и прижал к себе.
— Наездники, в кроватки! Спать!— сказал Дзержинский.— Деда устал, у него сердечко болит! Сразу же заснуть! Сразу!
Он поднял Яцека, шепнул ему:
— Ты у нас старший, смотри, чтобы маленькие на бочок легли и не шалили, ладно? А я дедушку чаем напою и дам ему лекарство.
Дети ушли тихие, испуганные.
— Что?— спросил Дзержинский.— Плохо? Пойдемте, чай горячий еще, мы вас давно ждем.
— Там был суп...
— Мы и его съели и назавтра сварили. Давайте руку. Пальцы-то ледяные. Где запропастились? Я Франтишека просил поехать в больницу, решил, не у Марьси ли вы...
Норовский сел у плиты, обхватил стакан плоскими пальцами, в которые навечно вьелась типографская краска, согнулся над шатким кухонным столом, голову опустил на грудь.
— Может, достать капель?— спросил Дзержинский.— Вы очень бледны.
— Ничего. Пройдет. Надо согреться.
— Пейте чай.
— Я пью.
— Наколоть сахара? Я принес головку сахара. Хотите?
— Что, денег достали?
— Нет. Мне подарили. Когда начинает болеть грудь, надо делать жженный сахар. Сейчас я здоров, так мальчикам принес.
— Что у вас с грудью?
— Меня посадили в первый раз, когда было девятнадцать, и очень сильно избили. Я очнулся на полу и почувствовал, будто к плитам примерз. Вот с тех пор. Вы пейте, пейте...
— Не устали с детьми?
— Ну, что вы! Они у вас чудные. Я завидую вам.
— Не надо завидовать...
— Я— добро.
— Не верю. Зависть— это всегда плохо.
— Нет. Добрая зависть помогает миру обновлять самое себя. Это не соперничество, не состязание, это новое качество, это чисто. В будущем— я хочу верить— зависть

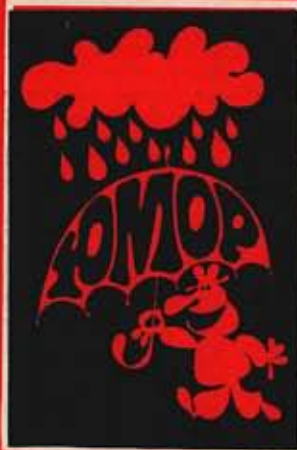

Рисунок Юрия КОСОБУКИНА

Рисунок Владимира СПЕЛЬНИКОВА

Рисунок Вадима ШАПОВАЛОВА

Рисунок Льва ГУЛИНА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ПОБЕДА НАШИХ ГРОССМЕЙСТЕРОВ

Всенародному празднику—60-летию Великого Октября—был посвящен международный шахматный турнир в Ленинграде. На старт вышли 18 гроссмейстеров из разных стран. Упорная многодневная борьба изобиловала драматическими ситуациями. На финише—убедительная победа советских шахматистов. Приятно отметить, что в ведущий квинтет попали и молодые участники и ветераны.

Первое и второе места с 11,5 очками из 17 возможных разделили 25-летний львовянин Олег Романишин и 40-летний экс-чемпион мира рижанин Михаил Таль. Третье место с 10,5 очками занял старейшина советских шахматистов экс-чемпион мира Василий Смыслов. 56-летний московский гроссмейстер оказался единственным, кто прошел трудное соревнование без единого поражения. Завидный пример для молодых спортсменов! Четвертое и пятое места разделили 26-летние сверстники—чемпион мира Анатолий Карпов и ереванец Рафаэль Ваганян. В игре ленинградца, выступавшего во многих турнирах почти без перерыва, после серии замечательных достижений чувствовалось переутомление.

Из зарубежных гостей наилучшее впечатление оставила игра молодых шахматистов венгра Золтана Рибли и кубинца Гильермо Гарсия.

О творческой стороне гроссмей-

стерских поединков ленинградского юбилейного турнира рассказывают многие интересные партии.

Такая позиция создавалась в партии между Романишиным и гроссмейстером из ГДР Лотаром Фогтом. На очереди 25-й ход черных, которыми играл советский шахматист. Имея пешку за недостающее качество, он осуществляет энергичный прорыв в центре и захватывает инициативу.

25. ... d5—d4! 26. Ke2:d4 Kc6:d4 27. c3:d4 Cb6:d4 28. a2—a4 Cc8—d7 29. Ce2—e4 Cd7:a4! 30. Ce4:b7 Cd4—b2!

Искусными маневрами слонов черные подготавливают марш грозных проходных пешек на своем правом фланге.

31. Cb7—e4 c4—c3+ 32. Kpd2—e3 a7—a5 33. Lf1—f2 Ca4—b3! 34. Ce4—c2 a5—a4 35. Cc2:b3 a4:b3 36. Lf2:b2.

Пытаясь вернуть качество и спастись в известном ничейными тенденциями ладейном эндшпиле, белые используют последний шанс. Но Романишин действует четко до конца.

36. ... c3:b2 37. Lh1—b1 Lh6:h4 38. Lb1:b2 Kpe7—d7! 39. Lb2—f2 Kpd7—c6 40. Kpe3—d4 Krc6—b5 41. Kpd4—c3 Lh4—h3+ 42. Krc3—b2 Kpb5—c4 43. f4—f5 Krc4—d4!, и белые сдались.

На этой диаграмме изображено любопытное и поучительное окончание, возникшее после 23-го хода белых в партии Таля (он играл черными) с югославским гроссмейстером Милорадом Кнежевичем. На первый взгляд кажется, что белые неминуемо завоевывают одного из неприятельских коней, но...

23. ... Kc6—a5! 24. Cb5—a6. Белые с опозданием заметили тонкую ловушку противника. В случае 24. J1:f6? Kpe7 их ладья попала бы в капкан. А раз так, то приходится расстаться с «пехотинцем».

24. ... Lc8:c3 25. Kf3:e5 Kf6:e4 26. Ld6—d7 Kpf8—e8 27. f2—f3 Lc3—c1+ 28. Ca6—f1 Ka5—c4. Не видно, как уравнивать шансы. Нелегко белым и в варианте 29. fe K:e5 30. La7 Kg4 31. La3 K:h2!, и тем более после 29. La7 Ked2. 29. Ke5:c4 Kpe8:d7 30. f3:e4

Lc1—a1 31. Kc4—e5+ Kpd7—e6 32. Ke5—c6 a7—a5 33. Kpg1—f2 Kpe6—d6 34. Kc6—d8 La1:a2+ 35. Kpf2—e3 f7—f6 36. g2—g4 a5—a4, и белые вскоре сложили «оружие».

Перед вами обоюдоострая позиция, создавшаяся после 25-го хода черных в партии Карпова с гроссмейстером из Ворошиловграда Геннадием Кузыниным. Чемпион мира, игравший белыми, вовремя подмечает коварный капкан партнера, оставившего в центре без охраны легкую фигуру. Возьми белые сейчас этого поистине «троянского» коня, картина борьбы резко менялась бы: 26. Fe5? Le8!

26. c2:d3! Ke5—c4 27. Ke2—c3! Kc4:a3 28. Kc3—e4 Fb6—e6 29. Ke4:f6+!

Бдительность не подвела Карпова. Чемпион мира, который сейчас далек от лучшей спортивной формы, остается чемпионом! Легко было попасться и во вторую замаскированную ловушку соперника. В случае 29. Fa5? b6! 30. Fa6—a7 Kf6—d5 33. Cg2:d5 e6:d5 34. Fa7—c7 d5—d4, и белые сдались.

29. ... g7:f6 30. Ff5—f3! Ld8—e8 31. Ch4:f6 Kpg8—h7 32. d3—d4!, и не считая нужным «экзаменовать» чемпиона мира в технике реализации преимущества, черные сдались.

К такому соотношению сил пришла после 24-го хода белых молодые гроссмейстеры Гарсия (он играл черными) и ленинградец Александр Кочиев. Талантливый кубинец отлично воспользовался значительным перевесом в активности фигур и, смело вызвав тактические осложнения, в частности оставив своего ферзя под «боем», быстро добился заслуженного успеха.

24. ... Lc8:c1! 25. Ka4:b6 Lc1:a1! 26. Kb3—d2 La1:d1 27. Fe1:d1 a7:b6 28. Fd1—a4 Cb4:d2 29. Fa4:a6.

В итоге бурной схватки черные за отданного ферзя получили более чем достаточную компенсацию в виде ладьи и пары коней.

29. ... Cd4—a5 30. f2—f4 Ke5—d7 31. e4—e5 Kd7—c5 32. Fa6—a7 Kf6—d5 33. Cg2:d5 e6:d5 34. Fa7—c7 d5—d4, и белые сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, 09284. А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 5/IX 1977 г. А 09290. Подписано к печати 19/IX 1977 г. Формат 70 × 108/8. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 2241. Заказ № 1085. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Включает вокальную линию с русскими текстами и фортепианный аккомпанемент. Текст песни: «Я свежий ветер, огонь крылатый, И наше время на циферблатах! Пусть повезет нам в большом пути От равнодушья себя спасти...».

* ИСПОЛНИТЕ ТИТА И ДО КОМАНДЫ КОМАНДИР В 3-4 КЛАССЕ.

ЯРОСТНЫЙ СТРОЙОТРЯД

Слова Николая ДОБРОНРАВОВА.
Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ.

Песня удостоена первой премии на всесоюзном конкурсе «КОРЧАГИНЦЫ 70-х».

Я свежий ветер, огонь крылатый,
И наше время на циферблатах!
Пусть повезет нам в большом пути
От равнодушья себя спасти...

На перекрестках путей и мнений
Рождались звезды и вдохновенье.
И одержимость всегда права,
Когда находит свои слова!

Припев:

Радостный строй гитар,
Яростный стройотряд.
Словно степной пожар,
Песен костры горят.

Мы сильные духом.
Мы дети земли.
Мы смелые. Смели.
И нас не смели.

Припев.

Нет струн у сердца неопалимых,
И жажда счастья неутолима.
Я обращаюсь к своей любви:
«Меня на подвиг благослови!»

А стройотряды уходят дальше.
А строй гитары не терпит фальши.
А наш словесный максимализм
Проверит время, проверит жизнь.

Припев.

Припев.

Кроссворд с 34 пронумерованными клетками для заполнения.

КРОССВОРД

Составил В. НЕЧИПОРЕНКО, Черкассы

По горизонтали:

- 7. Советский космонавт. 8. Человек, награжденный орденом.
- 11. Один из Малых Антильских островов. 12. Растение семейства маковых.
- 13. Советская хоккейная команда. 14. Черноморский курорт. 16. Коренное население европейского государства.
- 19. Вид искусственной кожи. 20. Отрасль народного хозяйства.
- 24. Австрийский композитор XVIII—XIX веков. 25. Род искусства. 28. Грамматическая глагольная категория.
- 31. Картина В. М. Васнецова. 32. Один из героев романа В. Ф. Пановой «Кружилых». 33. Певец, народный артист СССР. 34. Южная разновидность вишни.

По вертикали:

- 1. Русский живописец-маринист. 2. Водитель локомотива. 3. Радиоактивный химический элемент. 4. Опера Ш. Гуно.
- 5. Драгоценный поделочный камень. 6. Высокотемпературный курорт на Северном Кавказе. 9. Приток Волги. 10. Город в Пермской области. 15. Член подпольной комсомольской организации.
- 17. Русский физик и электротехник, академик. 18. Героиня повести А. И. Герцена «Сорока-воровка».
- 20. Теплообменный аппарат. 21. Музыкальное произведение для хора и оркестра. 22. Топливо для двигателей внутреннего сгорания.
- 23. Мыс, оконечность Камчатки. 26. Персонаж оперы Б. Сметаны «Проданная невеста». 27. Город-герой. 29. Один из приемов поднятия штанги. 30. Стихотворение А. С. Пушкина.

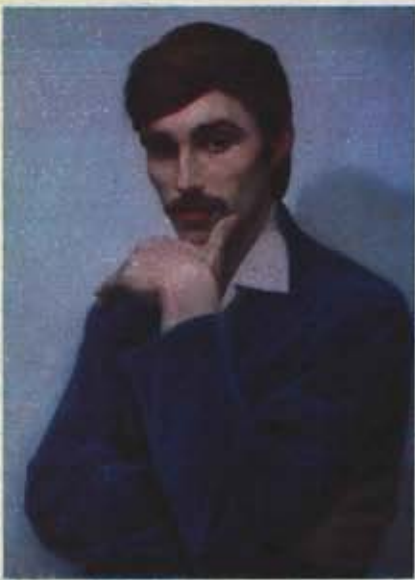
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

- 5. Пахомова. 6. Шиповник. 9. Эрмитаж. 10. Африка. 11. Верста. 12. Каракас. 17. Капри. 20. Шоколад. 22. Система. 23. Гостиница. 24. «Шторм». 25. «Егерь». 27. Аргентина. 29. Легенда. 30. Арбалет. 31. Клодт. 35. Тристан. 37. Ямайка. 38. Хрунов. 39. Экзамен. 40. «Антигона». 41. Скорпион.

По вертикали:

- 1. Готика. 2. Дворжак. 3. Гималаи. 4. Свинец. 5. Панферов. 7. Кострома. 8. Пикап. 13. Растрелли. 14. Кронштадт. 15. «Портрет». 16. Награда. 18. Ниагара. 19. Штурман. 21. Домра. 22. Сцена. 26. Черемуха. 28. Бетховен. 31. Крекинг. 32. Остап. 33. Тарелки. 34. Якутия. 36. Труппа.

ПОРТРЕТ МОЛОДОГО
ЧЕЛОВЕКА.

«Смена» уже рассказывала про молодого московского портретиста Александра Шилова. И вот сегодня мы вновь публикуем его работы — новые работы.

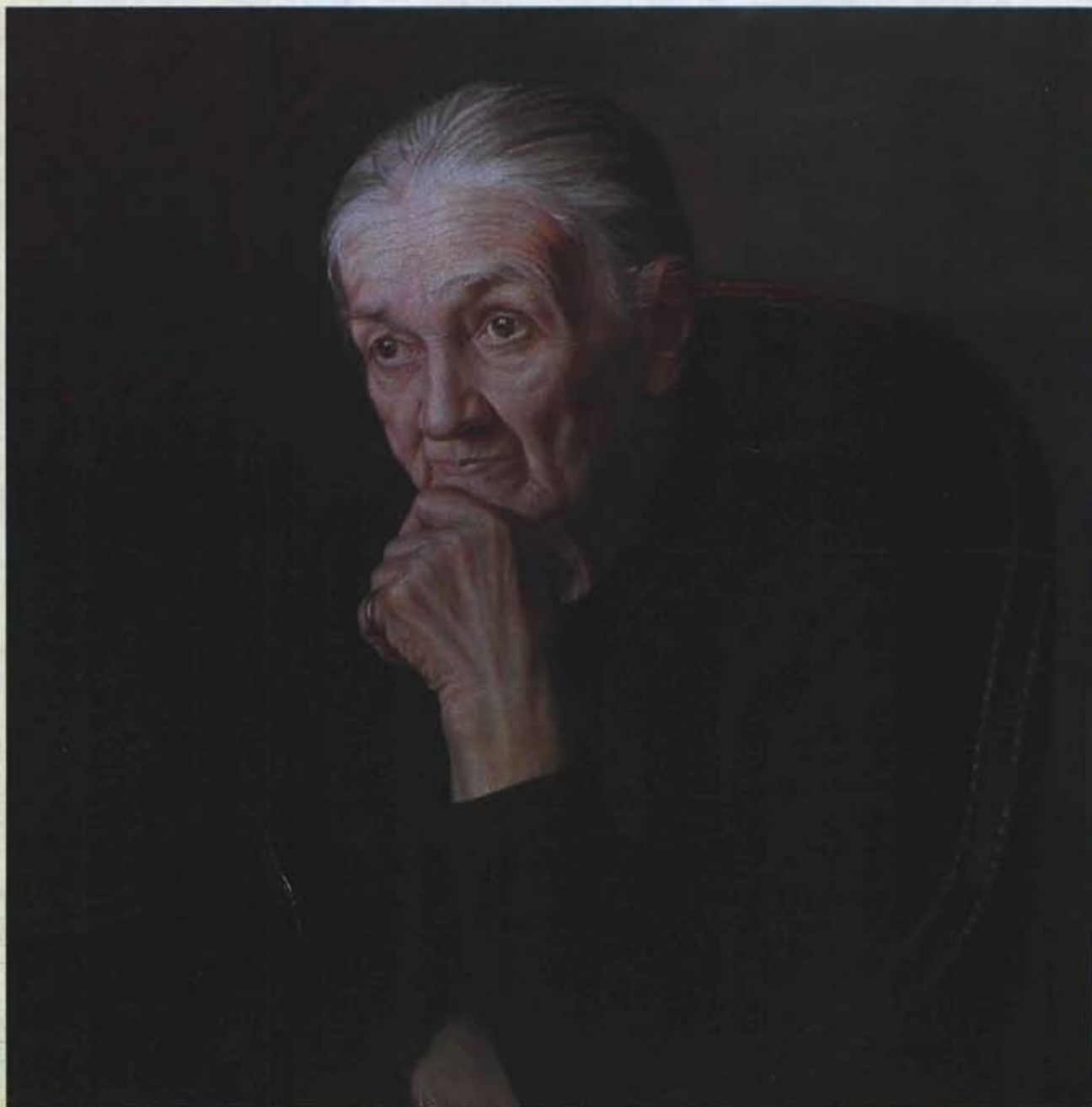
Углубленный, пристальный интерес к психологии человека, к его душе — вот «стержень» творчества Александра Шилова, и не порадоваться этой «сердцевине» художественного поиска невозможно. Сколько, к сожалению, портретов, принадлежащих кисти молодых живописцев, выполнены поверхностно — в тех портретах человек лишь «оконтурен», обозначен, личность не интересует живописца, она только присутствует на полотне. Александра Шилова можно смело назвать продолжателем традиций классиков русского портрета, а для них углубленный интерес к личности человека был главной сутью, определяющей этот жанр.

Сейчас Александр Шилов завершает работу над серией портретов выдающихся актеров театра имени Евгения Вахтангова. Один из портретов — народного артиста СССР Николая Сергеевича Плотникова — «Смена» уже опубликовала. Сегодня мы представляем вторую работу — портрет Михаила Ульянова. Думаю, каждый, кто видел Ульянова на сцене и в кино, лишней раз убедится в «совпадении» многих актерских работ с личным образом этого, бесспорно, незаурядного человека.

Портрет профессора медицины Георгия Павловича Шульцева как бы освещен мягким внутренним светом — перед нами человек глубоко интеллигентный, добрый, живущий напряженной интеллектуальной жизнью.

ДУША ЧЕЛОВЕКА

ПОРТРЕТ
НАРОДНОГО АРТИСТА СССР
М. УЛЬЯНОВА.

Каждый портрет Александра Шилова — это целое повествование, целая жизнь.

Взгляните на портрет бабушки художника — судьба человека, да и только! Другого названия к портрету этому трудно придумать. Судьба непростая — судьба радостная и горестная. И еще одно слово — мудрость. Старая женщина, запечатленная на портрете, — сама мудрость, сама грусть, сама жизнь.

Молодой художник продолжает интенсивно и плодотворно трудиться. «Смена» же намерена и впредь внимательно следить и активно поддерживать молодые дарования, которые уже однажды были замечены журналом. Мы полагаем, именно в непреходящем и постоянном внимании и заключена суть истинной поддержки молодых.

Альберт ЛИХАНОВ

ПОРТРЕТ БАБУШКИ

ПОРТРЕТ ПРОФЕССОРА
Г. ШУЛЬЦЕВА

